

Б. Мейлах

**ПУШКИН
И ЕГО ЭПОХА**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1958**

ГРОЗА ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА

Время незабвенное!.. Как сильно билось
русское сердце при слове *отечество!*..

Пушкин.

Мы были дети 1812 года.

Декабрист М. И. Муравьев-Апостол.

Глава первая

СОВРЕМЕНИК ВЕЛИКИХ СОБЫТИЙ

1

14 декабря 1825 года восставшие против самодержавия гвардейские полки вышли на Сенатскую площадь под сенью георгиевских знамен, полученных «за отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России в 1812 году». В этом был великий исторический смысл. Декабристское движение глубочайшими своими корнями связано с героической эпопеей русского народа — войной 1812 года против наполеоновской Франции. Национально-освободительная война, обнаружившая перед всем миром свободолюбие, могучие силы, одаренность русского народа, взрастила декабристов, способствовала формированию взглядов будущих борцов с самодержавием. В годы победоносной борьбы против Наполеона стало особенно явственным противоречие между богатейшими возможностями русской нации и тем бесправным, угнетенным положением, в которое русский народ был поставлен феодально-крепостническим режимом. Идеи национальной свободы и национального самосознания, получившие яркое развитие в период войны 1812 года, имели громадное значение для всей общественной жизни России, для революционного движения, для культуры и литературы.

Об этом много говорили декабристы в своих письмах, в показаниях следственному комитету и в позднейших воспоминаниях. Александр Бестужев в письме из крепо-

сти к Николаю I писал: «Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то русский народ впервые ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия России». С. И. Муравьев-Апостол считал трехлетнюю войну, освободившую Европу от ига Наполеона, и ее политические последствия первыми «источниками революционных мнений». И хотя в таком признании имеется некоторая односторонность («революционные мнения» явились результатом не только войны, но и всей совокупности условий действительности и прежде всего роста антикрепостнического протеста в народе), все же эти слова одного из вождей декабризма знаменательны. Отечественная война заставила всех передовых людей России по-новому оценивать гражданскую доблесть человека, общественный долг. Сергей Трубецкой вспоминал: «Мы часто говорили между собой о бывших событиях, о славе государя, о чести имени русского, рассуждали, что уже, быв каждый по возможности своей полезен отечеству в военное время, не должны быть бесполезны и в мирное». Стало ясным: жить так, как жили до войны, больше нельзя. С. Волконский в своих записках рассказывает, что после героических походов 1812 года бесцветный общественный быт, «вахт-парадная» жизнь и «даже частная жизнь, тягостная, скучная, стали невыносимыми. Зародыш сознания обязанностей гражданина сильно уже начал выказываться в моих мыслях и чувствах, причиной чего были народные события 1814 и 1815 годов, которых я был свидетелем, вселившие в меня, вместо слепого повиновения и отсутствия всякой самостоятельности, мысль, что гражданину свойственны обязанности отечественные». Об этом же говорил и декабрист Лорер: «По возвращении из Парижа увидели в рядах своих новое поколение офицеров, которое начинало уже углубляться в свое назначение, стало понимать, что не для того только носят они мундиры, чтобы обучать солдат маршировке да выправке. Все стали стремиться к чему-то высшему, достойному, благородному»¹.

М. В. Нечкина в своей книге «Грибоедов и декабристы» справедливо замечает: «Отечественная война окончательно разбудила еще не вполне проснувшееся поли-

тическое сознание будущих декабристов». В самом деле, в среде передовой дворянской молодежи после войны политические интересы стали преобладающими. Оболенский показал на следствии: «Науки политические сделались по возвращении гвардии в 1814 году предметом общих разговоров». Один из участников Отечественной войны и виднейших членов «Союза благоденствия», Федор Глинка, в стихотворении, написанном много лет спустя, так обрисовал облик передового поколения этого времени:

Была прекрасная пора:
Россия в лаврах, под венками,
Неся с победными полками
В душе — покой, в устах — «ура!»,
Пришла домой и отдохнула.
Минута чудная мелькнула
Тогда для города Петра.
...
...Но перед вами отличался
Семеновский прекрасный полк.
И кто ж тогда не восхищался,
Хваля и ум его, и толк,
И человеческие манеры?
И молодые офицеры,
Давая обществу примеры,
Являлись скромно в блеске зал.
Их не манил легучий бал
Бессмысленным кружебным шумом:
У них чело яснилось думой,
Из-за которой ум сиял...
Влюбившись от души в науки
И бросив шпагу спать в ножнах,
Они в их дружеских семьях
Перо и книгу брали в руки,
Сбираясь, по служебном дне,
На поле мысли, в тишине...
Тогда гремел, звучней, чем пушки,
Своим стихом лицейский Пушкин...²

Огромное значение Отечественной войны 1812 года в развитии русского народа и русской культуры отмечали все виднейшие представители общественной мысли и революционного движения.

«Много славных и блестящих мгновений пережила молодая Россия — молодая и юная, несмотря на свою девятивековую жизнь,— писал Белинский — ...уже не раз опытом блестящих побед и славных торжеств сознавала она свои исполинские силы; но что все эти опыты перед

эпохой XII и XIV годов?.. Но что вся эта бодрственная, недреманная, полная трудов и деятельности жизнь перед той, для которой снова как бы пробудилась она страшным кликом: «Неприятель идет на Москву»? что все прежние ее восстания от сна перед тем, которое совершилось при зареве пылающей Москвы... И после того, какой блистательный ряд торжеств!.. У всякого народа — своя история, а в истории свои критические моменты, по которым можно судить о силе и величии его духа, и, разумеется, чем выше народ, тем грандиознее царственное достоинство его истории, тем поразительнее трагическое величие его критических моментов и выхода из них с честью и славой победы. Дух народа, как и дух частного человека, выказывается вполне только в критические минуты, по которым одним можно безошибочно судить не только о его силе, но и о молодости и свежести его силы»³.

Как бы продолжая эту мысль Белинского, Герцен утверждал: «Новая Россия начинается с 1812 года». В книге «О развитии революционных идей в России» он писал, что «после этого кровавого крещения вся Россия вступила в новую фазу. Невозможно было сразу перейти от волнений национальной войны, от славной прогулки по всей Европе, от взятия Парижа к мертвому штилю петербургского деспотизма... Вскоре после войны в общественном мнении обнаружилась большая перемена»⁴.

Вопреки буржуазным историографам, считавшим, что литература — главный источник формирования общественных взглядов, классики революционно-демократической мысли подчеркивали определяющее значение самой жизни и в том числе одного из величайших исторических событий — разгрома наполеоновского нашествия. «Не книгами, не журналами, не газетами пробуждается дух нации, он пробуждается событиями, — писал Чернышевский — ...Не русские журналы пробудили к новой жизни русскую нацию, — ее пробудили славные опасности 1812 года»⁵.

Позднее в марксистской исторической науке было исчерпывающе вскрыто историческое значение народной борьбы против захватнических войн Наполеона. «Всеобщая война народов против Наполеона была реакцией национального чувства, которое Наполеон попирает ногами у всех народов», — писал Энгельс. Маркс указы-

вал, что в антинаполеоновских войнах разные классы ставили перед собой разные цели: «Все войны за независимость, которые в то время велись против Франции, носили двойственный характер: возрождения и реакции...» Сложность и противоречивость этой эпохи, ее историческое значение были вскрыты Лениным. «Империалистские войны Наполеона, — писал он, — продолжались много лет, захватили целую эпоху, показали необыкновенно сложную сеть сплетающихся империалистских отношений с национально-освободительными движениями. И в результате история шла через всю эту необычно богатую войнами и трагедиями (трагедиями целых народов) эпоху вперед...»⁶

Героическая эпопея 1812 года оказала влияние даже на тех передовых русских деятелей, для которых Отечественная война была известна лишь по воспоминаниям старших современников. Так, например, Герцен в «Былом и думах» писал; «Рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о Березине, о взятии Парижа были моею колыбельной песнью, детскими сказками, моею Илиадой и Одиссеей». Но если *рассказы* о войне 1812 года имели такое воспитательное значение, то можно заключить, как велико было ее влияние на непосредственных участников и свидетелей героических сражений!⁷

Знаменательно, что еще современники Пушкина упоминали имя великого поэта в ряду явлений, порожденных 1812 годом. Ближе всего подошел к теме «Пушкин и 1812 год» Герцен. Говоря о позднейших произведениях Пушкина — «Борисе Годунове» и «Истории Пугачева», — он заметил: «...В душе его звучали торжествующие, победные клики, поразившие его еще в детстве, в 1813 и 1814 годах»⁸.

В последние годы значение проблемы «Пушкин и 1812 год» особенно подчеркивается в литературоведении и выдвигается как одна из наиболее актуальных. Разработка ее необходима и для изучения более широкой проблемы становления национального самосознания поэта, его борьбы за самобытность русской культуры, вопроса о связи его патриотизма с прогрессивными тенденциями исторического развития. Необходимо выяснить, как отразились в мировоззрении и творчестве Пушкина непосредственные впечатления бурных военных лет, усилившееся после войны расслоение различных

общественных сил. Необходимо, наконец, проследить его позиции в политической борьбе вокруг оценки событий 1812 года, событий, горячо интересовавших поэта на всем протяжении его творческого пути.

2

Когда наполеоновские полчища четырьмя широкими потоками вторглись на русскую землю, Пушкин — великий современник великих событий — был всего лишь учеником младшего курса Царскосельского лицея. Волна общественного возбуждения не только не миновала мирный Лицей — военные события изменили в нем весь порядок жизни, стали главным предметом дум и разговоров. Были в Лицее и периоды особенно напряженные. В июле 1812 года стал известен приказ об эвакуации ценностей из Петербурга на случай нашествия французов. В сентябре министр просвещения Разумовский прислал директору Лицея тревожное предписание: «Как в настоящих обстоятельствах легко может случиться, что назначено будет отправить воспитанников Лицея в другую губернию, то необходимо принять заблаговременно нужные для сего меры». Опасность вскоре миновала, и Лицей остался на своем месте, но напряженность положения еще долго не ослабевала. Царскосельские дороги были дорогами войны. Иван Пущин, говоря о том, что «жизнь лицейская» сливалась с эпохой двенадцатого года, вспоминал: «Началось с того, что мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого Лицея; мы всегда были тут, при их появлении, выходили даже во время классов, напутствовали воинов сердечною молитвой, обнимались с родными и знакомыми — усатые гренадеры из рядов благословляли нас крестом. Не одна слеза тут пролита!»⁹

Продвижение русских войск к западным границам началось еще в феврале, до объявления войны. В конце февраля тронулся в путь лейб-гвардии гусарский полк, расположенный в Царском Селе. Затем проходили здесь же другие полки, направляясь через Царское Село в Гатчину и Лугу, на Порхов, Опочку и далее. В частности, 9 марта 1812 года по царскосельскому шоссе про-

шел прославленный гвардейский Семеновский полк. 9 марта он вступил в Царское Село, а 15-го был в Луге. В начале сентября лицеисты видели проходивший из Петербурга первый большой отряд ополченцев, за которым вскоре проследовал еще один отряд, численностью более семи тысяч человек. Эти впечатления остались у Пушкина на всю жизнь. В 1815 году он восклицал в стихотворении «Александрю»:

Сыны Бородина, о кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил...

А много лет спустя в стихотворении «Была пора...» (1836) он вспоминал о том же и с той же восторженностью:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

Эти строки были адресованы товарищам Пушкина, бывшим лицеистам, для которых Отечественная война также оставалась самым ярким событием юности. Иван Майиновский, уже будучи стариком, по поводу пушкинского стиха «Завидуя тому, кто умирать шел мимо нас» писал: «Да, именно так». Вспоминал о «патриотическом воодушевлении воспитанников» даже М. Корф: «Эффект войны 1812 года на лицеистов был действительно необыкновенный ...стихи Пушкина:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались, и пр.

были не поэтической прикрасою. Весною и летом 1812 года почти ежедневно шли через Царское Село войска, и нас особенно поражал вид тогдашней дружины с крестами на шапках и иррегулярных казачьих полков с бородами»¹⁰.

Особенно сильное впечатление на Пушкина и его товарищей произвел патриотизм русских воинов. Действительно, патриотический подъем был огромным.

Подлинные патриоты были проникнуты только лишь одним стремлением — отстоять родину. Декабрист А. Беляев говорил о самом начале войны: «Помню,

в какую ярость приходили все мы, оставленные в Петербурге, при мысли, что, может быть, гвардия пойдет на войну, а мы будем сидеть в городе». Армия также была охвачена патриотическим порывом. В дневнике В. И. Бакуниной в мае 1812 года было записано: «Все письма из армии наполнены желаниями войны и бодрости духа; уверяют, что и солдаты нетерпеливо хотят приблизиться к неприятелю, чтобы отомстить прошедшие неудачи». Сохранившаяся переписка современников подтверждает все эти свидетельства¹¹.

В «Записках касательно составления и самого похода Санктпетербургского ополчения», изданных в 1814 году будущим декабристом В. Штейнгелем, рассказывается, что к десятитысячным отрядам ополченцев в Царском Селе присоединились и регулярные войска. «Несмотря на дожди и ужасно грязную дорогу, воины с веселым духом делали переходы... Пели песни и о том единственно помышляли, о том только говорили, скоро ли увидят злодея». Патриотическим воодушевлением были охвачены и толпы народа — родственников, друзей и попросту «граждан», которые сопровождали ратников. «Ополчение вышло через Московскую заставу в сопровождении многочисленных зрителей, благословлявших оное взорами и сердцами». Но провожающие здесь не оставались и пошли дальше... Проводы продолжались до самой границы С.-Петербургской губернии».

Хорошо передано в «Записках» настроение воинов к началу выступления:

«Когда ополчение взшло на Пулкову гору, с которой златыми шпицами, огромными зданиями и величественною Невою красящийся Петрополь, сквозь тонкий мрак, представился взору в низменной дали, как бы разостланный, подобно самому приятнейшему сонному призраку, тогда взоры всех обратились на сей вечный памятник преуспевания россиян, великими гениями управляемых... «Может быть, в последний раз мы любимся им, — говорили они. — Бог знает, кому определено возвратиться из нас на родину — прости! — прости!» — и выступившие невольно на геройские ланиты слезы были последней их данью слабости сердца человеческого. Град Петров скрылся из глаз — и уже в сердцах кипело одно мщение, одно желание скорее сразиться со врагом и победить его».

Штейнгель говорит о боевом настроении солдат, об их ненависти к захватчикам в тех же словах, что и Пушкин, который позднее, в десятой главе «Евгения Онегина», отмечал «остервенение народа». Штейнгель же писал, что, когда ополченцы узнали о занятии неприятелем Москвы, «всякий ощутил какое-то непонятное, мрачное остервенение, громко вопиющее сердцам: падите или отмстите!.. так что, наконец, известие сие придало новый дух, новый жар и новое мужество всем войнам. Взоры их, прѣдускоряя шаги, искали впереди врагов, чтобы побить их...

Соразмеряя взорами своими силы свои с жалким бессилием врагов, они кричали в один голос: «Не бось, батюшка! не положим на руку охулки: дал бы бог только дойти до них»¹².

Патриотическое воодушевление, овладевшее народом, горячее желание каждого истинного патриота положить жизнь на алтарь отечества захватили и Пушкина. В лицейских стихах он часто говорит о своем пребывании вне армии чуть ли не как о тягчайшей вине:

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горести и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны!
И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принес я мщенья вам и жизни,
Вотще лишь гневом дух пылал!..

(«Воспоминания в Царском Селе», 1814)

Через год он вернулся к этому мотиву:

Я тихо расцветал, беспечный, безмятежный!
Увы! мне не судил таинственный предел
Сражаться за тебя под градом вражьих стрел!
.....
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?
Почто, сжимая меч младенческой рукою,
Покрытый ранами, не пал я пред тобою
И славы под крылом на утре не почил?

(«Александрю», 1815)

Мечта отдать жизнь во славу родины была у Пушкина и других лицейстов глубоко искренней. Недаром в то время была очень распространена легенда о детях

генерала Н. Н. Раевского. В июле 1812 года «Северная почта» сообщила о том, что в труднейшем, но победоносном сражении под Дашковым, где Раевский командовал корпусом, он послал в сражение двух сыновей десяти и четырнадцати лет. Само возникновение этой легенды характерно. Позже, во вступлении к «Кавказскому пленнику», посвященному младшему сыну генерала Раевского, Пушкин почти с благоговением вспоминал:

...в объятиях покоя

Едва, едва расцвел и вслед отца-героя
В поля кровавые, под тучи вражьих стрел,
Младенец избранный, ты гордо полетел.
Отечество тебя ласкало с умилением,
Как жертву милую, как верный цвет надежд.

Если Пушкин писал так в 1821 году, то можно представить, какое впечатление произвели на юного лицеиста слухи о детях Раевского. Пушкин-лицеист не был одиноким в своем стремлении участвовать в военных действиях. В армию рвался тринадцатилетний Вильгельм Кюхельбекер, и его мать с трудом уговорила мальчика остаться на лицейской скамье. Сверстник Пушкина, сын первого директора Лицея, Иван Малиновский также переписывался с отцом на эту тему. 14 февраля 1813 года В. Ф. Малиновский писал: «Письмо твое, любезный сын, хорошо, потому что изъявляет любовь отечества, которую ты имеешь в сердце своем». Всячески одобряя патриотические чувства сына, Малиновский расценил их как проявление общего национального подъема. «Любовь отечества» «возбудила к делам геройским». Осторожно разъяснял он сыну необходимость подчиняться «наставлению и попечению» воспитателей. Вероятно, нелегко было Ивану Малиновскому, которого товарищи за удасть прозвали «казакком», выслушивать эти советы¹³.

Все помыслы воспитанников были связаны с войной. Интересен в этой связи эпизод, который рассказан Пушкиным в заметках о Дельвиге (1834): «Однажды вздумалось ему рассказать нескольким из своих товарищей поход 1807-го года, выдавая себя за очевидца тогдашних происшествий. Его повествование было так живо и правдоподобно и так сильно подействовало на воображение молодых слушателей, что несколько дней около него со-

бирался кружок любопытных, требовавших новых подробностей о походе». Здесь примечательна не столько сила фантазии Дельвига, сколько направленность интересов его и его друзей.

Все связанное с борьбой за родину было в центре внимания лицеистов с первого дня войны. «Когда начались военные действия, — вспоминал Пушкин, — всякое воскресенье кто-нибудь из родных привозил реляции; Кошанский читал их нам громко в зале. Газетная комната никогда не была пуста в часы, свободные от классов: читались наперерыв русские и иностранные журналы при неумолкаемых толках и прениях; всему живо сочувствовалось у нас: опасения сменялись восторгами при малейшем проблеске к лучшему. Профессора приходили к нам и научали нас следить за ходом дел и событий, объясняя иное, нам недоступное». К этому можно добавить свидетельство М. Корфа о жадности, с которою «пожиралась и комментировалась каждая реляция»¹⁴.

«Реляции» — сообщения о ходе военных действий — только лишь в конце сентября 1812 года стали печататься более или менее регулярно в качестве «известий из армии», которые передавались из штаба Кутузова; до этого они представляли собою эпизодические сообщения.

О военных событиях лицеисты зачастую узнавали раньше, чем читатели официальных реляций: через Царское Село проезжали правительственные курьеры. Кроме того, лицеистов часто посещали родственники, доставлявшие свежие известия.

Одним из источников информации о политической жизни и военных событиях были для лицеистов и письма родных. Интересным свидетельством этого и вместе с тем отголоском лицейских споров о военных делах служит письмо матери В. Кюхельбекера от 24 августа 1812 года. В этом письме мать пишет сыну: «Благодарю тебя за твои политические известия». Далее из письма следует, что Кюхельбекер (как, по всей вероятности, и его друзья) был уверен в измене Барклая, тактика которого (отступление в глубь страны) вызвала тогда резкое недовольство в обществе. В письме матери Кюхельбекера обстоятельно рассказывается о судьбе Барклая: «Барклай теперь дает доказательство того, что любит свое отечество, так как по собственной воле служит в

качестве подчиненного, тогда как он сам был главнокомандующим». (Кстати, не лишено интереса, что Барклай был родственником матери Кюхельбекера и по его рекомендации Вильгельм был принят в Лицей.)¹⁵

Пристального внимания заслуживают слова Пущина: «Профессора приходили к нам и научали нас следить за ходом дел и событий...» Все то, что нам теперь известно о лицейском воспитании, дает полное основание утверждать, что беседы профессоров не были политически нейтральными и освещали значение «дел и событий» в свойственном Лицею духе. Так, Кайданов, говоря в своих лекциях об итогах Отечественной войны, утверждал, что она «имела следствием освобождение Европы от политического рабства»¹⁶.

О том, в каком духе разъясняли события лицейские профессора, видно хотя бы из их статей. Например, «Послание к русским» Куницына (помечено: «Царское Село. Октября 28. 1812 г.», напечатано в «Сыне отечества») проникнуто горячим патриотизмом и свободолюбием. В нем резко осуждаются те страны Европы, которые «неминуемое рабство предпочли... сомнительной победе; в знак позорной неволи повергли к стопам завоевателя свои мечи, которые он превратил в оковы». Национальную независимость Куницын оценивал как первое условие народного бытия: «Пусть нивы наши порастут тернием, пусть села наши опустеют, пусть грады наши падут в развалинах; сохраним единую только свободу, и все бедствия прекратятся». Как лозунг, как священная клятва звучали проникнутые поэтическим пафосом слова послания: «Пусть земля, которую наши руки защитить не в состоянии, будет нам общею могилою; но мы умрем свободными в свободном отечестве!» Замечательное «Послание к русским» ярко отражает ту трактовку военных событий, которая внушалась воспитанникам Лицея. Эти же идеи развиты в статье Куницына «Замечания на нынешнюю войну», где, в частности, дана оценка превосходства стратегии Кутузова над стратегией Наполеона¹⁷.

Но характеристика источников, из которых лицеисты черпали сведения о происходящих событиях, была бы далеко не полной, если бы мы не учли все значение слов Пущина о том, что в газетной комнате лицеисты читали «наперерыв» журналы «при неумолкаемых толках и прениях».

Основными органами политической информации, оказывающими наибольшее влияние на общественное мнение, были два журнала: «Сын отечества» и «Русский вестник». Несмотря на недостаточно резкую еще в те годы дифференциацию политических направлений, в идеологических платформах журналов были весьма существенные различия. Эти различия отражали политические тенденции русской общественной мысли, по-своему воспринимавшиеся Пушкиным.

«Сын отечества» был, бесспорно, лучшим русским журналом военных лет. В нем печатались обзоры текущих событий, известия с театра военных действий и политические новости, статьи, посвященные анализу недавнего военного прошлого России и других стран, исторические статьи, повествующие о завоеваниях и войнах, интересных по аналогии с текущими событиями. В разделе «Смесь» публиковались рассказы (как тогда говорили «анекдоты»), характеризующие героизм и самоотверженность россиян, главным образом народа. Художественные произведения, помещенные в «Сыне отечества», как правило, также связаны с событиями Отечественной войны. Огромное пропагандистское значение имели напечатанные здесь в 1812 году басни Крылова. В числе их была и знаменитая басня «Волк на псарне», где в аллегорической форме выражалась популярная в народе мысль о том, что вступать в переговоры с врагом невозможно. Басни Крылова, связанные с темами Отечественной войны, играли огромную роль. Недаром Пушкин характеризовал великого баснописца как самого народного из русских поэтов того времени.

Прогрессивное направление «Сына отечества» нашло выражение прежде всего в том, что борьба с Наполеоном трактовалась как борьба за свободу против рабства, за национальную независимость против чужеземного «самовластия». Эта тенденция отчетливо выделяется в «Сыне отечества» (особенно за 1812 год). Правда, и в этом журнале не было последовательной позиции даже в пределах прогрессивного дворянского просветительства. Больше того, наряду с пропагандой национальной независимости и обличением деспотизма в нем иногда встречаются «благонамеренные» тирады, осуждающие Фран-

цию как родину революции и характеризующие Наполеона как «Робеспьера на коне» и т. д. Но заслуга «Сына отечества» заключается в том, что он все же помещал материалы, которые освещали войну 1812 года как войну народную, и пропагандировал прогрессивные политические идеи.

Можно с уверенностью сказать, что ни в одном русском издании этих лет идея народной войны не проводилась с такой смелостью, как в «Сыне отечества». Несомненно эту сторону журнала имел в виду реакционер Ф. Вигель, когда вспоминал о «бешеных статьях» «Сына отечества» военных лет. Этот журнал иногда доходил даже до прямых утверждений, что не правительство, а народ спас Россию и весь мир от порабощения Наполеоном. В статье «Положение и надежды Европы» (1813) утверждалось: «Правительство не имело надобности возбуждать или усугублять любви к отечеству и героизма, истребивших силы Наполеоновы; оно нашло их и только руководствовало и пользовалось ими с благодарумием. Собственно природною силою, подобно как из огнедышащего жерла, вспылал в груди российского народа священный огонь, истребивший врага. Когда неприятель был еще на Немане, русские крестьяне говорили: «Осмелся он войти в матушку Россию; уьем его, как волка!» Он осмелился — и обещание сие исполнилось во всем своем значении». На этом основании делался вывод о неизбежности будущего политического прогресса России, о развитии русской нации:

«Народ, одаренный сим характером и духом, пойдет исполинскими шагами и на стезе просвещения. Самая ужасная буря не могла бы умертвить сего разверзающегося цвета на древе совершенства человеческого, а бешеный изверг, по сожжении Москвы, восклицал в безумии и ярости: «Русская нация отброшена на целый век в просвещении своем»¹⁸.

Следует подчеркнуть, что именно на страницах «Сына отечества» победоносная борьба за национальную независимость трактовалась как начало новой политической эры внутри страны. Большой трактат «О порабощении и освобождении Европы», напечатанный в двух номерах журнала за 1814 год, развивает эту тему наиболее подробно. «Ныне открывается глазам нашим возвращение нового дня после продолжительной ночи, возобновление

жизни народов после долгого унижительного порабощения, великая брань соединенной Европы за свободу и правосудие». В таких тонах оценивались военные события. Национальный суверенитет и свободолюбие рассматриваются здесь в единстве. «Можно разрушить обветшалые здания царств, но нельзя поработить народа просвещенного, и хотя можно его покорить, но нельзя склонить к тому, чтобы он добровольно сносил иго рабства; всякий народ непобедим, когда решается быть независимым, и на то всяк решится, кто испытает над собою злополучие рабства; тиранству хотя и удастся отнять на некоторое время свободу действовать и мыслить и даже наложить оковы на общенародное мнение, но стесненные мысли свободного духа, наконец, воспламеняются и открываются в деяниях, превосходящих власть злодея» Таким образом, рассуждения о войне переросли в рассуждения о тирании, рабстве и свободе вообще, о перспективах политического устройства. Автор утверждает, что он не противник монархической власти, но он убежден в том, что с прошлыми порядками должно быть покончено: «Настоящее время с сопровождающими его явлениями предвещает не возвращение прежних веков, но только продолжение и развязку давно начавшейся новой эпохи». Пройдет еще несколько лет, и в этом же журнале появятся статьи Куницына с защитой конституции и критикой крепостничества¹⁹.

Иногда на страницах журнала проскальзывало и явное сочувствие республиканскому образу правления. В статье «Войны и завоевания французов» Наполеон обличается как враг свободы. Вот как оценивалось здесь «подлое насмешливое поведение» Наполеона с итальянскими республиками: «Он торжественно объявил их независимыми (29 июня 1797) и отказался от всех требований на распространение пределов Франции, а потом принудил их увенчать главу его железною короною. 14 июля, в день разрушения Бастильи, заставил он войско свое в Милане присягнуть в *непримиримой войне со врагами республики и в верности конституции 9 года*. Видно, что он сам не участвовал в сей присяге; ибо потом нарушил сию конституцию. «Воины! — говорил он тогда. — Горы отделяют нас от Франции, но вы с орлиною быстротою полетите туда для защищения свободы

и республиканцев!» Боже мой! куда девалась сия свобода!» — элегически заключал автор статьи. В другой статье («Можно ли и должно ли говорить о Бонапарте?») Наполеон порицался за ликвидацию политической свободы внутри Франции: «Французы, пребывшие верными республиканским правилам, не могут без негодования вспоминать о том, который уничтожил всю гражданскую и политическую свободу, попрали все права человечества и основал неограниченное самовластие». Таким образом, в журнале писали о Наполеоне не только как о захватчике чужих земель, но и как о императоре-«самовластителе»²⁰.

Отсюда, естественно, читатель переходил к мысли о «свободном образе» правления применительно к России. Не случайно поэтому появился в том же журнале материал, обличающий самовластие и прославляющий борьбу за республику. Таковы отрывки из «Истории Нидерландов» (из Шиллера), где рассказывалось о том, как в Голландии XVI века «тиран лишен был трона» и «новые республики водрузили победоносное знамя свободы на земле, увлажненной кровью верных граждан». К этой теме примыкает и «Взгляд на республику Соединенных штатов американских областей», и другие статьи, затрагивающие вопросы американской революции или освещающие факты далекой древности. Например, Куницын перевел для журнала в 1812 году «Речь скифского посла Александру Македонскому» (из Квинта Курция), где говорилось: «Между владыкою и рабом не может быть никакой дружбы». Статья другого лицейского педагога И. Кайдакова «Освобождение Швеции от тиранства Христиана II, короля датского» развивает мысль о том, что «вся история рода человеческого есть изображение беспрестанного борения независимости и порабощения» и торжества борьбы против рабства и тиранов²¹.

В сопоставлении с отчетливо монархическим, охранительным по своему направлению «Русским вестником» эти тенденции «Сына отечества» вырисовываются с особой четкостью.

В некоторых литературоведческих работах последних лет заметно стремление к идеализации «Русского вестника» и его издателя Сергея Глинки. Псевдопатриотическая и псевдосвободолюбивая фразеология этого

журнала ввела в заблуждение ряд исследователей *. Если считать проявлением свободомыслия и прогрессивных устремлений все те писания, в которых иногда склонялись на все лады слова «тиран», «отечество», «свобода», «рабство», то придется к прогрессивным деятелям причислить прежде всего... Александра I. В первом же обращении Александра к войскам (13 июня 1813 года) указывалось: «Вы защищаете веру, отечество, *свободу*». В дальнейшем следуют еще более энергичные выражения: «Всемогущий ополчил народы, да *ею возвратит свободу народам*, да воздвигнет падшие». В другом месте, призывая народ к борьбе против Наполеона, царский манифест мотивировал это тем, что «чувство рабства незнаемо сердцу россиянина». Все обращения царя в действительности представляли собою грубую спекуляцию на стремлении народа к свободе²².

В «Русском вестнике» в статьях Сергея Глинки, в частности, мы видим, в общем, ту же политическую спекуляцию. Напечатанные там рассказы о героизме войска, о прошлом России отличались охранительной трактовкой фактов и событий. «Русский вестник» стал неофициальным органом официальной политики в 1812 году потому, что и до войны, еще в 1809 году, он прославлял «верность русских людей государю», обличал «лжеумствования» просветителей, пел дифирамбы Екатерине II, напечатал «отрывок из письма знаменитого сына отечества Аракчеева» и т. п. В период же войны Сергей Глинка пошел даже дальше царских манифестов и призывал сражаться не только за «веру, за царя», но и за «отца-помещика». «Русский вестник» стоял на позициях реакционных и охранительных и в оценке той роли, которую русский народ сыграл в Отечественной войне. Отрицать вообще роль народа в войне было бы в то время попросту невозможно (позже, как мы увидим, реакционная публицистика дошла и до этого). Более того, «Русский вестник» приводил немало фактов героизма людей из народа. Но участие народа в борьбе с французами объясняется в духе общей реакционной концепции: крестьянин, оказывается, «рад послужить царю

* Такова, например, книга С. Дурылина «Русские писатели в Отечественной войне 1812 г.», изд. «Советский писатель», М. 1943

и богу, рад умереть за отца-помещика и за свою родную семью» («Крестьянский разговор») ²³.

В статьях исторических, помещенных почти во всех номерах журнала, героические страницы русской истории — славные подвиги праотцов освещались под определенным углом зрения: «С помощью веры и бога противоборствовали они много различным злключениям», притом «отнюдь не доверяя мнимой вольности». Именно этими чертами характеризуется древняя Русь и нравы предков в исторических статьях («Подвиг Прокопия Петровича Ляпунова», «Посольство в Россию графа Карлиля» и др.). «Коренные свойства русского народа, — утверждалось в журнале, — суть вера и послушание». Во время войны с французами исторические статьи перекликались с современными событиями. Многочисленные стихотворения, напечатанные в «Русском вестнике», варьируют на разные лады тему патриотизма в ультрамонархическом духе ²⁴.

Исключением из программы журнала являются «Письма русского офицера» Федора Глинки, напечатанные там вследствие родственных связей автора с издателем (они были братьями). Эти «Письма» резко контрастировали с основной линией «Русского вестника».

Зная, насколько сильным было патриотическое воодушевление Пушкина и его ближайших друзей, можно не сомневаться, что реакционная демагогия «Русского вестника» не пользовалась в этой среде популярностью. Пушкин не только понял суть этой демагогии, но в дальнейшем и выступал против нее. Но уже и в лицейских стихах поэта мы находим мотивы прославления роли русского народа как освободителя не только своей родины, но и всей Европы от наполеоновского ига.

Помимо журналов, главным источником официальной информации для Пушкина и лицейстов была газета «Северная почта». Из нее узнавали они подробности о сражениях, факты яростного сопротивления войска, эпизоды народной войны, вести о разорении французами русской земли. Для характеристики и стиля и характера сообщений, которые читали и комментировали лицеистам профессора, приведем одно из многочисленных «новых известий», напечатанное в «Северной почте» 21 ноября 1812 года:

«Успехи российской армии в преследовании неприятеля час от часу становятся разительнее и быстрее. Каждый шаг ее вперед есть победа, погибельная для врагов нашего отечества, для врагов Европы. Теперь Россия представляет вселенной зрелище величественное, и смело можно сказать, что все племена, не выключая и тех несчастных рабов самовластья, которые вооружены против нее робостью и бессилием, ожидают побед ее в надежде приобрести от них мир и благоденствия. С одной стороны, мы видим мужественную армию: полки ее не расстроены; воинов ее оживляет возвышенное чувство мщениия за родину, за расхищение отеческих городов и сел, мщениие за человечество; их оживляет слава; они не знают изнурения, не терпят нужды, а если иногда и ощущают некоторый недостаток, почти неизбежный при стремительном преследовании врага, то сносят оный бодро, ибо имеют в виду победу. С другой — являются развалины страшного (наполеоновского) ополчения, в котором многочисленные нации иноплеменников соединены были воедино, дабы уничтожить могущественный народ в недре его отчизны. Их ободрял успех, но этот успех был обман. Один сильный удар привел в расстройство сию громаду: бегут, преследуемые ужасом; им сопутствует голод; не имея пищи, принуждены в бешенстве отчаяния пожирать мертвых лошадей... Все они, несчастные, осужденные погибнуть вдали от своего отечества, на разных языках проклинают властолюбие, причиняющее их погибель... они сами сдаются целыми отрядами; бросают оружие при первом выстреле или сражаются из одного отчаяния. Таково положение двух армий, которыми теперь решится судьба толиких народов»²⁵.

«Северная почта» печатала материалы, свидетельствующие о том, что в России Европа видела своего избавителя.

В информации из Лондона от 23 июля 1812 года (перепечатка из английской газеты «The Courier») военному министерству Англии напоминалось, что в «прошлой войне России с Францией, к удивлению и негодованию целой Европы, мы (то есть англичане. — Б. М.) или пребывали в бездействии, или везде опаздывали... министры наши пребывали бездейственными зрителями той войны, предоставляя державам твердой земли рато-

борствовать одним между собою, как будто бы победы их не доставляли и нам выгоды, а их неудачи не наносили и нам ущерба». Далее газета «The Courier» высказывала надежду на то, что Англия изменит тактику загребания жара чужими руками. В дальнейших сообщениях из Лондона говорилось, что русский народ «столь твердый... что мы нимало не беспокоимся об успехе нынешней его войны» (11 сентября 1812 года). 30 октября того же года из Лондона было передано нечто вроде призыва: «Великодушный русский народ! Они (французы. — Б. М.) теперь в твоих руках. От тебя ждет Европа спасения». А 21 декабря «Северная почта» поместила посланное из Лондона сообщение о своеобразной реакции на победы русских войск: «Здесь (в Лондоне. — Б. М.) известия об успехах российского оружия, можно сказать, приводят в восторг всю Англию. Повсеместные пиршества изъявляют совершенно искренне участие в сих торжествах над общим неприятелем... Рюмки стучат, вино разливается повсюду изобильно; и если русские продолжают еще далее успехи свои, то они не только лишат неприятелей своих, французов, могущества их на твердой земле, но и у нас от сих побед совсем не станет вина, или по крайней мере оно очень вздорожает»²⁶.

Такого рода «ликование», конечно, вызывало улыбку у русских читателей.

Так или иначе, но факты говорили о том, что Россия действительно несла освобождение народам Европы, хотя это и противоречило интересам царского правительства. В октябре 1812 года «Северная почта» напечатала прокламацию испанского правительства. Там указывалось: зверства и вероломство Наполеона уверили Александра I «в том, что ему надлежало уже вступить за свободу и сохранение гражданственности не только северной, но и полуденной Европы. Мы, конечно, должны почитать его защитником Европы». Вскоре Пушкин мог видеть своеобразную демонстрацию по этому поводу. В апреле 1813 года, как сообщала та же «Северная почта», в Царском Селе состоялась торжественная присяга испанцев и португальцев, «с берегов Эбра буйством всеобщего врага привлеченных в Россию». В произнесенных речах звучали благодарность России, призыв к свободе и одновременно уверения в преданности «законным правителям Фердинанду VII и принцу-регенту Иоанну».

Надо учитывать, что в то время даже прогрессивные круги борьбу за восстановление монархической власти в странах, захваченных Наполеоном, рассматривали как стремление к торжеству «законных правительств»²⁷.

После перехода русских войск через Рейн и взятия Парижа, уже вся пресса была полна сообщениями о признательности разных стран мира России как спасительнице Европы от тирании Наполеона. Преклонением перед доблестью русских людей был охвачен поистине весь мир. В 1813 году «Сын отечества» сообщил о праздновании в честь русских побед в Северной Америке. Среди тостов на бостонском празднестве был следующий: «Москва! Пламя ее указало угнетенным народам путь к свободе, их притеснителям — путь к гибели!»²⁸

На все это Пушкин откликнулся в 1815 году следующими строками:

...Народы, падшие под бременем оков,
Тяжелой цепью с восторгом потрясали
И с робкой радостью друг друга вопрошали:
«Ужель свободны мы?.. Ужели грозный пал?..
Кто смелый? Кто в громах на севере восстал? »
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колена окружила
Освобожденною от рабских уз рукой...

(«Александр») .

Как мы увидим далее, Пушкин вскоре освободился и от иллюзий относительно роли Александра I во всемирно-исторической победе русского народа. Но навсегда осталось у него убеждение, которое он выразил в 30-х годах:

...в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир .

(«Клеветникам России»)

Глава вторая

ДВЕ РОССИИ

Все касающееся России в политическом отношении, т. е. в отношении к учреждениям и управлениям, казалось мне печальным и ужасным; все касающееся до России в статистическом смысле, т. е. до народа, свойств его и т. п., казалось мне великим и славным.

Декабрист Н. И. Тургенев.

1

Несгибаемость воли русского народа, его неустрашимость, твердость духа с восхищением отмечались современниками. Только реакционное дворянство намеренно извращало действительную роль народа в войне. Для всей передовой России стало ясно, что именно героический патриотизм и самоотверженность народа спасли родину и весь мир от порабощения Наполеоном. В стихотворении, где Пушкин впервые пытался дать развернутую картину войны, — «Воспоминания в Царском Селе» — народу посвящены самые проникновенные, пафосные строки:

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем возжены
Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья...

Слова Пушкина: «Их цель или победить, или пасть в пылу сраженья»—передавали действительные настроения народа. Почти так же рассказывали об этих настроениях участники сражений. И. Лажечников в «Походных записках русского офицера» вспоминал: «Я видел, как молодые солдаты стремились опередить старых grenадер, как новобранцы, истреляв (не даром!) все патроны свои, прибегали к своим начальникам с просьбою дать им новые заряды и, получив их, спешили на свои места — *разить или умирать*». Другой современник, И. П. Липранди, писал о боях под Смоленском: «Ожесточение, с которым войска наши, в особенности пехота, сражались под Смоленском 15-го числа, невыразимо. Нетяжкие раны не замечались до тех пор, пока получившие их не падали от истощения сил и течения крови». Яркие картины народного патриотизма были даны в «Письмах русского офицера» Федора Глинка, присланных автором в Лицей вскоре же после появления их в свет отдельным изданием. Эту книгу Пушкин хорошо знал и помнил. Именно Ф. Глинка одним из первых указал на народный характер Отечественной войны. «Война народная, — писал он, — час от часу является в новом блеске. Кажется, что сгорающие села возжигают огонь мщения в жителях. Тысячи поселян, укрываясь в леса и превратив серп и косу в оружие оборонительные, без искусства, одним мужеством отражают злодеев. Даже женщины сражаются!» Как пробуждение всего народа расценивал Ф. Глинка отпор Наполеону, задумавшему посягнуть на национальную самостоятельность земли русской: «Восстал дух русской земли! Он спал богатырским оном и пробудился в величественном могуществе своем. Уже повсюду наносит он удары злодеям. Нигде не сдается: не хочет быть рабом. Он заседает в лесах, сражается на пепле сел и просит поля у врага, готовясь стать и биться с ним целые дни». Почти во всех воспоминаниях декабристов отражена такая же восторженная оценка русского «ратника», рядового солдата, его «богатырской силы», его неустрашимости и наступательного порыва, — словом, тех качеств, которые воспеты в стихах Пушкина¹. Достаточно привести несколько примеров, чтобы увидеть, с какой точностью юный поэт запечатлел настроения народа в то время.

«Воины не уступали в храбрости своим офицерам, — писал в 1814 году Штейнгель. — При слове «Вперед!» бросались в град пуль и картечь и, сражаясь, как разъяренные львы, при самом сильном натиске неприятеля стояли, как неподвижные скалы. Случалось им целыми колоннами, крикнув «ура!», встречать конницу штыками и мгновенно опрокидывать ее»².

О решающей роли народа говорит И. Д. Якушкин:

«Война 1812 года пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании. Все распоряжения и усилия правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся в Россию галлов и с ними двенадцать языцы, если бы народ по-прежнему остался в оцепенении. Не по распоряжению начальства жители при приближении французов удалялись в леса и болота, оставляя свои жилища на сожжение. Не по распоряжению начальства выступило все народонаселение Москвы вместе с армией из древней столицы. По рязанской дороге, направо и налево, поле было покрыто пестрой толпой, и мне теперь еще помнятся слова шедшего около меня солдата: «Ну, слава богу, вся Россия в поход пошла!» В рядах, даже между солдатами, не было уже бессмысленных орудий; каждый чувствовал, что он призван содействовать в великом деле»³.

Размышления о русском солдате, его духовном облике, отражены в многочисленных дневниках и письмах современников. «Русскими войсками довольны более всех. Русский солдат — великое и предостойное название!» — записывает в свой дневник Николай Тургенев. Н. В. Басаргин впоследствии писал: «12-й год и последняя война с англо-французами явно доказывает, на какие пожертвования готов русский народ, как мало он думает о своем достоянии, о своей жизни, когда дело идет об отечестве». Презрение солдат к смерти во имя защиты родины, сожжение крестьянами хлеба для того, чтобы он не достался врагу, партизанские подвиги стариков и старух — все это слагалось в величественную картину народной войны. Против иноземного врага встали не только войска, но и весь народ, и даже боевые генералы признавали решающую роль именно этого фактора. Так, например, генерал Н. Н. Раевский писал в письме гр. А. Н. Самойлову 23 октября 1812 года, что «мужики более, чем войска, победили французов»⁴.

Самоотверженный облик русского солдата вызывал преклонение Пушкина.

Особенно восторгала его героическая борьба «летучих отрядов», грозы французских войск. В «Письмах русского офицера» Ф. Глинка, отмечает, что рядом с обычного типа военными действиями в 1812 году велась «другого рода война», «весьма полезная для нас и крайне вредная для неприятеля». «Здесь говорится о малой войне или наездниках. Сии наездники—партизаны»⁵. Стихотворение Пушкина «Наездники» (1816) изображает партизан-«наездников» в типичных для поэзии этого времени чертах:

Уж полем всадники спешат,
Дубравы кров покинув зыбкой,
Коней ласкают и смирят
И с гордой шепчутся улыбкой.
Их лица радостью горят,
Огнем пылают гневны очи...

Романтическим ореолом остался навсегда овеванным для Пушкина образ организатора партизанщины «Дениса-храбреца» — Дениса Давыдова. В 1822 году поэт откликнулся на его «Опыт теории партизанского действия» дружески шутливым посланием:

Недавно я в часы свободы
«Устав наездника» читал
И даже ясно понимал
Его искусные доводы...

Огромное впечатление произвел на Пушкина факт, который в 1812 году облетел всю Россию. В «Сыне отечества» он был описан следующим образом:

«В армии Наполеона (как у нас на конских заводах) клеймят солдат, волею или неволею вступающих в его службу. Следуя сему обыкновению, французы наложили клеймо на руку одного крестьянина, попавшегося им в руки. С удивлением спросил он: для чего его оклеймили? Ему отвечали: это знак вступления в службу Наполеона. Крестьянин схватил из-за пояса топор и отсек себе клейменую руку. Нужно ли сказывать, что сей новый Сцевола был русский? Одна мысль служить орудием Наполеону или принадлежать к числу преступных исполнителей воли тирана, подвигала его к сему геройскому поступку»⁶. Именно этот эпизод имел в виду Пушкин, когда в

своем «Рославлеве» в уста Полины вложил восторженные слова о самоотверженности русского народа, который в борьбе с неприятелем «рубит сам себе руки»*.

С исключительной яркостью героический патриотизм русского народа сказался в дни временной потери Москвы. Сдача Москвы неприятелю была тяжелой жертвой для народа, жертвой гениального полководца Кутузова, который в сложившихся условиях был вынужден пойти на этот шаг для восполнения потерь, накопления резервов и подготовки контрнаступления, принесшего гибель противнику.

Потеря Москвы оставила сильнейший след в сознании Пушкина. В 1814 году он писал с душевной скорбью:

Где ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Где прежде взору град являлся величавый,
Развалины теперь одни.
Где мирт благоухал и липа трепетала,
Там ныне угли, пепел, прах,
В часы безмолвные прекрасной, летней ноши
Веселье шумное туда не полетит,
Не блещут уж в огнях брега и светлы рощи:
Все мертво, все молчит.

(«Воспоминания в Царском Селе»)

В этих и позднейших стихах — «Наполеон на Эльбе», «Наполеон» и других — Пушкин расценивал пожар Москвы как событие, стократ увеличившее ярость народа. Горесть при вести о пожаре Москвы, которая так сильна в лицейских «Воспоминаниях в Царском Селе», охватила многих современников поэта. Николай Тургенев записал в своем дневнике 27 сентября 1812 года: «Теперь сижу я один и раздумался о положении моего отечества. Какое несчастье может сравниться с взятием и сожжением Москвы? Какое глубокое впечатление сделало это в моем сердце! Мне кажется, что я всего лишился на свете, и, право, остается только умереть. Горькие слезы текут из глаз и запечатлевают истину чувств

* Этот же эпизод был использован изобразительным искусством (антинаполеоновская карикатура Теребенева, скульптура неизвестного художника).

моих, ибо я сам не верю, что вижу и что, к несчастью, так верно. Москва! Россия! Я теряюсь в горести и иступлении». Но эти чувства не были тогда бессильными, они же вызывали другие чувства — стремление к яростному сопротивлению до победного конца, мести «коварному корсиканцу». В записках, напечатанных в 1814 году, Штейнгель писал: «Разнеслась жестокая весть о взятии французами Москвы. Невозможно описать, в какое она повергла всех огорчение и как мгновенно сие огорчение преобразилось в другое сильнейшее чувство — месть»⁷.

Вскоре стали известны подробности вступления Наполеона в Москву.

В «Сыне отечества» рассказывалось:

«Наполеон, тщетно ожидавший за городом депутатов с ключами московскими, решил, наконец, ехать сам их взять... Он въехал в город во вторник 3-го числа в половине одиннадцатого часа утра в Дорогомиловскую заставу. Арбат был совершенно пуст. Первые и единственные лица, которые видел на большой сей улице Наполеон, были у окна арбатской аптеки содержатель оной с своею семьею и раненый французский генерал, накануне к ним поставленный постоем. Подъехав ближе, Наполеон посмотрел на них вверх весьма злобно, окинул быстро глазами весь дом и, взглянув опять на бывших у окна, продолжал путь. Он сидел на маленькой арабской лошади, в сером сюртуке, в простой треугольной шляпе, без всякого знака отличия. В расстоянии ста сажень ехали перед ним два эскадрона конной гвардии. Свита маршалов и других чиновников, окружавших Наполеона, была весьма многочисленна... Таким образом, победитель Москвы доехал до Боровицких ворот, не увидя ни единого почти жителя. Негодование написано было на всех чертах Наполеонова лица. Он не брал даже на себя труда скрывать то, что происходило в душе его; однако же, сходя с лошади и посмотрев на кремлевские стены, он сказал с насмешкою: какие страшные стены! Удивительно, что он пренебрег обыкновенную свою комедию и что не приказал поднести себе московских ключей кем бы то ни было для провозглашения потом пышно церемонии сей в «Монитере».

Ожесточенный до крайности, видя ненависть и пренебрежение, оказываемые ему правительством и народом

российским, решившимися лучше уступить древнюю свою столицу его ненасытному честолюбию и алчности его орд, нежели преклонить пред ним выю, Наполеон повелевает, чтобы во всех полках, по очереди к грабежу назначенных, употреблять отборных солдат вместе с офицерами для доставления в Кремль съестных припасов всякого рода и чтобы русских обоюбого пола, не разбирая ни состояния, ни лет, употреблять для сего вместо лошадей». Вскоре все убедились, что сдача Москвы была не победой Наполеона, а этапом на пути к его поражению. В 1814 году один из современников писал: «Хитрый и пронырливый корсиканец, потеряв совершенно из виду движение своего противника и *сие умышленное отступление приписуя своей победе*, нарочно отверзтым путем беспрепятственно въезжает в Москву; въезжает — и алчный, надменный взор его, вместо ожидаемых приветствий и радостных кликов униженных и раболепных жителей, сретает одни пустые стены, коих глубокое молчание ознаменовало то совершенное презрение, какое Москва и вся Россия к нему чувствовала»⁸.

Эта же картина была впоследствии запечатлена в строках «Евгения Онегина»:

Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.

В полной мере Пушкин осознал значение московской эпопеи, конечно, в годы зрелости. В лицейский период он еще воспринимал гибель наполеоновских армий как возмездие за пожар Москвы:

.. туча грозная нависла над Москвою,
И грянул мести гром!..

Но в дальнейшем Пушкин трактовал эту же тему как великий, сознательно обдуманый замысел в борьбе с иноземными захватчиками. В стихотворении «Наполеон» (1821) он, обращаясь к тени завоевателя, восклицал:

...ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем, как дара;
Но поздно русских разгадал..

«Солнце Австерлица» померкло для Наполеона:

Настали времена другие
Исчезни, краткий наш позор!
Благослови Москву, Россия!
Война по гроб наш договор.

Поэтически-возвышенное чувство любви к Москве, которое Пушкин сохранил на всю жизнь, всегда было связано для него с памятью о великой жертве, о великом искуплении «матери градов России». Лирическое обобщение чувства и думы о Москве получили в взволнованных строках седьмой главы «Евгения Онегина»:

Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

2

Но Москва не была единой, как не была единой и вся Россия. Осмысляя впоследствии события Отечественной войны, Пушкин писал в «Рославлеве» о первых ее днях: «Москва взволновалась... народ ожесточился». Это *один*, народный, облик Москвы, грудью вставшей на защиту родины. А вот *другой* ее облик: «...гостинные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюр, кто отказался от лафита и принялся за кислые щи... все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедовать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни».

Эта убийственная характеристика дворянства, его лживого «патриотизма», его трусости была дана Пушкиным в 1831 году. Она возникла у зрелого, великого художника, крупного мыслителя, пришедшего к выводу, что войну выиграли народные массы.

А между тем, официальные документы и реакционные литераторы и во время войны и после ее окончания на все лады старались убедить русское общество, что основная заслуга победы над Наполеоном принадлежала дворянству. Эта мысль переходила из одного царского

манифеста в другой. И если в 1812 году в манифестах демагогически пропагандировалась идея равного участия всех сословий в войне (при этом перечислялись «высочайшие лица, вельможи, дворяне, мещане и, в последнюю очередь, «поселяне»), то после победы Александр I объявил, что дворянство вынесло главную тяжесть войны. В манифесте от 30 августа 1814 года говорилось:

«Благородное Дворянство наше, верная и крепкая ограда Престола, ум и душа народа, издревле благочестивое, издревле храброе, издревле многократными опытами доказавшее ничем не нарушимую преданность и любовь к Царю и Отечеству, наипаче же ныне изъявившее беспримерную ревность щедрым пожертвованием не токмо имущества, но и самой крови и жизни своей, да украсится бронзовою на владимирской ленте медалью с тем самым изображением, каковое находится уже на медали, учрежденной на 1812 год. Сию бронзовую, крепости духа их сообразную медаль да возложат на себя отцы или старейшины семейств, в которых, по смерти носивших оную, остается она в сохранении у потомков их яко знак оказанных в сем году предками их незабвенных заслуг отечеству. Впрочем, мы несомненно уверены, что хотя дворянство в необычайную нынешнюю войну сильно пострадало и претерпело великие убытки, но приобретенная им истинная и неувядаемая слава исцелит раны его, утешит в скорби».

О крестьянстве же сдержанно говорилось, что оно показало «дух православия, верности и мужества» и что за это оно «получит мзду свою от бога». Забота о «благосостоянии» крестьян «предупредится попечением о них господ их»⁹.

Эти идеи были поддержаны в годы войны большим количеством реакционных агиток, цель которых также заключалась в том, чтобы изобразить дворянство спасителем отечества. Одной из типичных агиток такого рода является «Краткое обозрение подвигов российского дворянства на поле брани и на поприще гражданском» А. Безобразова. «Нет сословия, которое бы более действовало в пользу и более бы успело во благо своего отечества, как знаменитое дворянство», — утверждалось в этой брошюрке, заодно защищавшей крепостное право как основу «общего спокойствия и внутренней безопасности». Подобные же идейки проводились в писавшихся

«для народа» так называемых «афишках» графа Растопчина, которые Пушкин впоследствии назвал «полицейскими объявлениями». Героиню пушкинского «Рославлева» — пламенную патриотку Полину — эти афиши «выводили из терпения — шуточный слог их казался верхом неприличия». Эти так называемые «сочинения для народа» представляли собою смесь оголтелой монархической пропаганды и ярмарочного паясничества. Растопчинские прокламации по существу принижали героизм русского народа и величие победы, утверждая, что французские солдаты — «карлики», которым «русского житья-бытья не вынести», ибо их «от капусты раздувает», они «от каши перелопаются, от щей задохнутся». Тот же Растопчин писал с возмущением в одном письме, что война преобразила «поселян»: «Умы сделались весьма дерзки и без уважения. Собственность не почитается, а привычка бить неприятелей преобразила большую часть поселян в разбойников»¹⁰.

Естественно, что царское правительство боялось вооружать народ. Генерал А. П. Ермолов в своих записках вспоминал о крестьянах смоленщины: «...в Смоленской губ. приняли нас, как избавителей. Невозможно было изъявлять ни более ненависти и злобы к неприятелю, ни более усердия к нам: жители предлагали содействовать, не жалея собственности, не щадя самой жизни. Поселяне приходили ко мне спрашивать, позволено ли им будет вооружиться против врагов и не подвергнутся ли они за то ответственности. Довольно сего доказательства, каких средств лишило себя правительство, не зная хорошо свойств народа. Легко было возбудить его, и неприятель в немалом нашелся бы затруднении». Об этом же говорил и Федор Глинка в «Письмах русского офицера»:

«Солдаты будут драться ужасно! Поселяне готовы сделать то же. Только и говорят о поголовном наборе, о всеобщем восстании. «Повели, государь! все до одного идем!» Дух пробуждается, души готовы. Народ просит воли, чтобы не потерять вольности. *Но война народная слишком нова для нас. Кажется, еще боятся развязать руки.* До сих пор нет ни одной прокламации, позволяющей собираться, вооружаться и действовать, где, как и кому можно. — Дозволят — и мы, поселяне, готовы в подкрепу воинам. Знаем места, можем вредить; засядем

в лесах, будем держаться — и удерживать; станем сражаться — и отражать!» Далее с возмущением рассказано о том, как управитель одной усадьбы отобрал у крестьян «всякое оружие при приближении французов»¹¹.

Следовательно, и в годы войны под мнимым «единением всех сословий» таились противоречия между официальной Россией и Россией народной, зрела та борьба между передовым поколением дворянской молодежи и крепостниками, которая разгорелась затем с такой силой.

Общественно-политическая борьба отразилась и в поэзии военных лет.

Военные стихи Батюшкова, прославленного мастера «легкой поэзии» с ее темами любви и наслаждения жизнью, особенно ярко показывают, как обогатили героические годы внутренний мир поэта. В этих стихах звучит и сочувствие народному горю и призыв делом участвовать в борьбе с врагом:

Нет, нет! пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагом сомкнутым строем —
Мой друг, дотоле будут мне
Все чужды Музы и Хариты,
Венки, рукой любви свиты,
И радость шумная в вине!

(«К Дашкову»)

Некоторые мотивы приведенных выше строк затем перейдут в лирику Рылеева:

Мне не любовь твоя нужна,
Заняття ждут меня иные,
Отраднa мне одна война,
Одни тревоги боевые.

Любовь никак нейдет на ум:
Увы, моя отчизна страждет;
Душа в волненье тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет¹².

(«Ты посетить, мой друг, желала...», 1825)

Героика Отечественной войны вызвала к жизни и лучшие строфы стихотворения «Певец во стане русских

воинов» Жуковского, поэта, по общему направлению творчества далекого от жизни.

Немало рассеяно было в журналах, в рукописных копиях стихов, прославлявших мужество и свободолюбие русских воинов. Так, например, поэт Воейков писал, что русский народ подает пример того,

Как жизни не щадить, как смерть предпочитать
Ярму железному, цепям позорным рабства.

Эти стихи процитированы будущим декабристом В. Штейнгелем в записках о походе петербургского ополчения как пример верного понимания событий¹³.

Но в поэзии нашла свое выражение и реакционно-монархическая трактовка целей и движущих сил войны. С наибольшей откровенностью выразил эту тенденцию Карамзин:

Народы! власти покоряйтесь;
Свободой ложной не прельщайтесь;
Она призрак, страстей обман.
Вы зрели галлов заблужденье:
И своевольство и тиран
Отмстили им за возмущенье
Против законного царя,
Уставов древних, алтаря¹⁴.

Журналы военных лет были полны виршами, написанными в ложно-классическом стиле и на все лады воспевавшими верность царю, алтарю, «древним уставам». Эти стихи искажали историческое прошлое России. Пушкин в своих лицейских стихах едко высмеивал эту псевдо-поэтическую продукцию, длинные оды «бесмысленных певцов», «рифмотворов» (вспомним, например, сатирическое пушкинское определение поэта такого рода: «Холодных од поэт ретивый...»), среди них многие являлись переложением библейских сюжетов и псалмов. В поэме «Тень Фонвизина» Пушкин вышучивает эти оды, называя их «статей библейских преложенье». В ней же он пародирует «Лиро-эпический гимн 1812 года на прогнание французов из отечества», уже одряхлевшего Державина. Ироническое отношение вызывали у Пушкина и псевдопатриотические поэмы на исторические темы, написанные ранее, вроде поэмы Ширинского-

Шихматова «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия» (1807). О ней Пушкин писал:

Слог дурен, темен, напыщен —
И тяжки словеса пустые.

Эта эпиграмма написана вероятнее всего в 1813—1815 годах, когда ложновеличавые, напыщенные творения подобных виршеплетов появлялись одно за другим.

Реакционные поэты пропагандировали официозные лозунги войны. С. Глинка сочинил «Песнь русских поселян русским воинам», где крепостные крестьяне, оставшиеся в деревнях, обращались к своим вооруженным отцам, сыновьям, братьям с успокоительными речами:

Мы в довольстве, мы в приволье,
Есть хлеб-соль, спокойно спим...

А другой поэт, Н. Николев, в тон царским манифестам и реакционным агиткам писал о роли дворянства в двенадцатом году:

Чья действия таковы, чья верность, доблесть, честь,
В ком чувствование столь сильно и велико?
Кого дивотворить за рвение толико?
Тебя, почтенное сословие дворян,
Тебя, орудие всех действий россиян,
Тебя, побед и славы знамен,
Громады царственной краеугольной камень,
Законов твердый столп, порфиноносцев жезл,
Посредством коего властителя престола,
Стоя на высоте, дыханьем движут дола...¹⁵

На деле же поведение правящей верхушки и «светской черни» вызывало возмущение передовых людей того времени. «Всеобщее ополчение без дворян» — так охарактеризовал Грибоедов отношение дворянства в целом к защите родины. В дневнике В. И. Бакуниной в июле 1812 года была сделана любопытная запись, отражающая в самой непосредственной форме реакцию дворян на первое известие о войне: «Горесть, страх и отчаяние овладели всеми; со всех сторон получали мы страх наносящие известия... Разнесшиеся повсеместно о сем (угроза Петербургу. — *Б. М.*) слухи привели всех в недоумение и робость, стали думать о побеге из Петербурга, многие стали выезжать, другие собираться и укладываться. Вообще уныние и страх усугубились по получении здесь 10-го числа манифеста, коим призывал го-

сударь всех сынов России на защиту отечества». Примерно о том же рассказывает в своих записках Ф. Ф. Вигель, который писал: «Трудно объяснить состояние, в котором находились тогда умы; не видно было уныния, отчаяния, но также и смелой в себе уверенности; заметно было какое-то грустное чувство, не совсем лишенное надежды. Казалось, все думали, а многие говорили: ну, что делать, увидим, что-то бог даст! В высшем кругу старались веселиться, чтобы показать или придать себе более бодрости. Так иногда испуганные громко распевают, чтобы заглушить в себе страх». Здесь Вигель воспроизвел отношение к войне так называемого светского общества, которое действительно стремилось «заглушить страх» и выказывать напускную бодрость, вместо того чтобы на деле защищать отечество¹⁶.

Понятна сила негодования, владевшая Пушкиным, когда он много лет спустя обобщил эту картину на страницах «Рославлева». В официозной прессе для доказательства «патриотизма» помещиков часто приводились факты пожертвований ими крупных денежных сумм «на защиту отечества». Но эти (единичные) факты встречали в общей массе дворянства весьма своеобразную оценку. По поводу разговоров о «патриотических жертвованиях» Пушкин писал в «Рославлеве»: «Повторяли бессмертную речь молодого графа Мамонова, пожертвовавшего всем своим именем. Некоторые маменьки после того заметили, что граф уж не такой завидный жених...».

«Светские балагуры», которые, как отметил Пушкин, проповедовали народную войну, собираясь «в саратовские деревни», были обеспокоены прежде всего спасением своего имущества и жизни. В своих гневных обличениях непристойного поведения дворянства Пушкин солидаризировался с мнением своих старших современников. С возмущением писал Ф. Глинка в «Письмах русского офицера» о том, что «по той же самой дороге, где раненные солдаты падают от усталости, везут на телегах предметы мод и роскоши. Увозят вазы, зеркала, диваны, спасают Купидонов, Венер, а презирают стоны бедных и не смотрят на раны храбрых!!!» В. Штейнгель добавил в записках, опубликованных в 1814 году, несколько других ярких штрихов: «Во всех каналах стояли нанятые дорогой ценой суда для помещения частных имуществ и для отплытия в море при первом известии о приближе-

нии врагов; и как у страха глаза велики, то люди праздные, и потому самые слабейшие духом, рассеивали слухи, что с одной стороны неприятель уже в Твери, а с другой в Великих Луках и Риге, и тем самым умножали в жителях сомнение, страх и беспокойство»¹⁷.

«Наполеон шел на Москву. Москва тревожилась; жители ее выбирались один за другим». В этот период получили широкую огласку факты, вызвавшие негодование у лучшей части дворянства и особенно в народных массах, наблюдавших паническое бегство тех, кто объявлял себя опорой государства. Общеизвестной стала отправка не только из Москвы, но также из Петербурга целых транспортов с имуществом высокопоставленных лиц. Так, министр внутренних дел Козодавлев при первом известии о том, что французы якобы собираются в столицу, упаковал в Петербурге свое имущество «и отправил в Тихвин, в монастырь, прося архимандрита поставить в самое безопасное место»¹⁸.

Ко всей этой панике народ относился далеко не безразлично. По свидетельству одного современника, дворяне, «удаляясь из Москвы, находили в пути своем большие неприятности или, лучше сказать, были в величайшей опасности от подмосковных крестьян, чрез селения которых должны были ехать. Они называли удалявшихся трусами, изменниками и бесстрашно кричали вслед тем, которые мимо селений ехали: «Куда, бояре, бежите вы с холопами своими? Али невзгодье и на вас пришло? И Москва в опасности вам не мила уже?» Многие из удалявшихся из Москвы на своих собственных лошадях возвращались опять в Москву пешими, лишившись дорогою и лошадей своих с экипажем и имущества». В этой обстановке происходили курьезные факты переодевания дворян, для того чтоб убраться восвояси в глубь России, избежав народной расправы. Один из таких эпизодов рассказывал московский старожил Толычев:

«Народ поглядывал с недоброжелательством на экипажи, теснившиеся у застав, и роптал против дворян, которые покидали столицу на поругание нехристей... Но отъезжающих тревожила новая забота: неудовольствие народа постоянно усиливалось, так что мужчины, покидавшие Москву, подвергались неприятностям и даже опасности. Что, если О—в будет задержан?.. Оставалось единственное средство к устранению беды: уговорили

О—ва надеть чепчик. За ночь все было уложено, и путешественники уселись в линейку и выехали благополучно за заставу, благодаря шляпке с лентами и шали, которою О—в прикрывал гладко выбритый подбородок. Но дальше они встретили толпу ратников, которые остановили их вопросом: «Куда едете?» — «К себе в имение», — отвечала Анна Петровна Юшкова. «Так уж, видно, все Москву покидают, — заговорили в толпе. — Видно, не жаль выдать ее врагу на разграбление»¹⁹.

Доходившие до Пушкина факты всеобщей трусости дворянства не могли не вызывать у него омерзения.

Картинки тыловой жизни светского общества, которые Пушкин дал в «Рославлеве», хорошо были известны ему из писем и родственников и родственников своих товарищей. Письма выехавших из Москвы родителей Пушкина и его дяди Василия Львовича до нас не дошли.

Можно полагать, что о быте Нижнего Новгорода, одного из центров эвакуации дворянства, рассказал Пушкину Батюшков, посетивший поэта в Лицее. Свои наблюдения Батюшков, между прочим, запечатлел в письмах к Вяземскому и Гнедичу. В письме к Вяземскому в октябре 1812 года из Нижнего Новгорода Батюшков сообщал с явной иронией и по адресу дяди А. С. Пушкина — Василия Львовича и по адресу остального общества.

«Здесь я нашел всю Москву... Алексей Михайлович Пушкин плачет неутешно: он все потерял, кроме жены и детей. Василий Пушкин забыл в Москве книги и сына: книги сожжены, а сына вынес на руках его слуга. От печали Пушкин лишился памяти и насилу вчера мог прочитать Архаровым басню о соловье. Вот до чего он и мы дожили! У Архаровых собирается вся Москва или, лучше сказать, все бедняки: кто без дома, кто без деревни... Везде слышу вздохи, вижу слезы — и везде глупость. Все жалуются и бранят французов по-французски, а патриотизм заключается в словах: *point de paix!** Истинно много, слишком много зла под луною».

Вся эта картина произвела на Батюшкова столь удручающее впечатление, что в 1814 году он вновь вернулся к ней в письме к Е. Г. Пушкиной из Парижа: «...мысленно переносусь в Нижний, то на площадь, где между телег и колясок толпились московские франты и краса-

* Никакого мира! (франц.)

вицы, со слезами вспоминая о бульваре, то на патриотический обед у Архаровых, где от псовой травли до подвигов Кутузова все дышало любовью к отечеству, то на ужины Крюкова, где Василий Львович (Пушкин. — Б. М.) забыв утрату книг, стихов и белья, забыв о *Наполеоне, гордящемся на стенах древнего Кремля*, отпускал каламбуры, достойные лучших времен французской монархии, и спорил до слез с Муравьевым о преимуществе французской словесности, то на балы и маскарады, где наши красавицы, осыпав себя бриллиантами и жемчугами, прыгали до первого обморока в кадрилих французских, во французских платьях, болтая по-французски бог знает как и проклинали врагов наших»²⁰.

Эти черточки жизни бежавшего от опасности дворянства описаны впоследствии Пушкиным в «Рославлеве» (1831). Отец героини пушкинского романа, уехав из Москвы, «только и думал, чтоб жить в деревне как можно более по-московскому. Давал обеды, завел *théâtre de société**, где разыгрывались французские *proverbes***», и «всячески старался разнообразить удовольствия». Нарисованная Пушкиным картина обобщенно отражала дворянский быт во всех тыловых городах.

Вот характерное письмо одного помещика, повествующее о Казани 1813 года. Сначала автор письма рассказывает о борьбе его крепостных с врагом: «Гаврила мой, вооружа по приказанию моему дворовых людей и крестьян, перебил и в плен взял мародеров и фуражистов более 600 чел. Тем самым и деревни мои спаслись». И вслед за этим с бесстыдством идет рассказ о тыловой жизни: «В Казани жить не скушно, буде бы обстоятельства наши не были расстроены. Здесь балы и концерты всякую неделю, а 12-е число был маскарад у губернатора, где было 570 человек. Здесь заметить должно, что русскому государству никакое в сравнение иттить не может. И что дворянство русское много имеет твердого духа. В каком государстве можно найти при таковых обстоятельствах, какие случались с нами, чтобы публика собралась до 570-ти человек на праздник. Здесь сказать можно то дворянству: ура русскому дворянству!» То же самое происходило и в более мелких городах, как, на-

* Домашний любительский театр (франц.)

** Пословицы (франц.).

пример, в Пензе, где, по словам современника, «во всю зиму еженедельно раз у губернатора, раз у А. и два раза у Х. плясала вся Пенза». И чем шире и шумней развевывалось это веселье, тем быстрее угас «при свете ламп и люстр огонь патриотического энтузиазма нашего», — заключаются воспоминания. В записках Ф. Вигеля рассказывается: «Всю осень, по крайней мере у нас в Пензе, в самых мелочах старались выказать патриотизм. Дамы отказались от французского языка. Многие из них почти все оделись в сарафаны, надели кокошники и повязки... Губернатор (кн. Ф. С. Голицын. — Б. М.) не мог упустить случая пощеголять новым костюмом; он нарядился, не знаю с чьего дозволения, также в казацкое платье, только темно-зеленого цвета с светло-зеленой выпушкой. Из губернских чиновников и дворян все те, которые желали ему угодить, последовали его примеру. Слуг своих одел он также по-казацки, и двое из них, вооруженных пиками, ездили верхом перед его каретою»²¹.

Все эти факты с еще большей силой обнажали пропасть, лежавшую между дворянством и народом. Передовые люди эпохи ясно видели, что Россия народная, исполинская, величественная, четко отделялась от России помещичьей, безразличной ко всему, кроме собственного благополучия. В этом смысле большой интерес представляет записанный декабристом Сергеем Волконским его разговор с Александром I:

«Каков дух армии?» Я ему отвечал: «Государь! от главнокомандующего до всякого солдата — все готовы положить свою жизнь к защите отечества и вашего императорского величества».

«А дух народный?» На это я ему отвечал: «Государь! вы должны гордиться им: каждый крестьянин — герой, преданный отечеству и вам».

«А дворянство?» — «Государь, — сказал я ему, — стыжусь, что принадлежу к нему — было много слов, а на деле ничего»²².

Даже Сергей Глинка, монархист и защитник «добрых помещиков», был вынужден, говоря о Нижнем Новгороде, признать:

«Нижний 1812 года обширную отмежевал полосою от того Нижнего 1612 года, когда на стогнах его гремел голос мясного продавца Козьмы Минина-Сухорукова:

«Продадим дома наши! зложим жен и детей!» На берегах Волги, при слиянии с нею Оки, в стенах Нижнего большого московский свет соединился с большим нижегородским светом. Были визиты, был бостон, были званные обеды. Представьте картину 1612 и картину нынешнего 1812 года, и вы увидите в исполинской России две России, различные внешним видом, нравами, обычаями и образом мыслей»²³.

Эти размышления Сергей Глинка заключал едва ли искренним вопросом: «Как это и отчего?» Но передовая Россия осознала в годы войны не только самое различие «нравов, обычаев и образа мыслей»; становился все яснее и ответ на вопрос: «Как это и отчего?»

3

Еще в лицейские годы Пушкин оценивал Отечественную войну как войну народную. Дальше происходило лишь углубление и развитие этого его взгляда. Иначе обстояло дело с отношением Пушкина к императору Александру.

В лицейских стихах Пушкина, связанных с военной тематикой, наряду с верной оценкой народного героизма («ты в каждом ратнике узришь богатыря») по отношению к Александру чувствуется некоторое влияние официальной патетики манифестов. Немалое значение имело и то обстоятельство, что стихи Пушкина, упоминавшие Александра, были заказными и предназначались для «особых случаев». Так, «Воспоминания в Царском Селе» были написаны для чтения на публичном экзамене по предложению профессора Галича, стихотворение «Александру» предназначалось для предполагавшейся торжественной встречи Александра I при возвращении из Парижа, стихотворение «Принцу Оранскому» сочинено по заказу для чтения на празднике в честь бракосочетания принца Оранского с сестрой Александра I Анной Павловной (при жизни Пушкина не печаталось) в Павловске у императрицы Марии Федоровны.

Тем более интересно дальнейшее отношение Пушкина к этим стихам.

Двенадцатая строфа «Воспоминаний в Царском Селе» кончалась переложением официального лозунга:

Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья
За веру, за царя.

В 1819 году, при подготовке сборника своих стихов, Пушкин устранил упоминание царя и переделал последний стих:

За Русь, за святость алтаря.

Тщательно выправлял Пушкин упоминание и хвалу Александру и в других местах этого стихотворения. В строфе 20-й первоначально было:

Но что я зрю? Герой с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.

«Герой» здесь — Александр, которого вся пресса прославляла тогда как организатора победы. В новой редакции вместо царя героем выступает русский народ:

Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.

Чтобы избежать этого же, обычного в поэзии того времени, отнесения победы за счет «героя» — царя, Пушкин изменил и конец стихотворения. В стихе:

Но снова стройный глас герою в честь прольется

слово «герой» изменено на множественное: «героям». И, наконец, совершенно выброшенной оказалась целая строфа, посвященная Александру («Достойный внук Екатерины!» и т. д.). Понятно, что после всех этих поправок, носивших явно демонстративный характер, стихотворение в переработанной редакции не могло увидеть свет.

Стихотворение «Александру»* (1815) было написано Пушкиным по прямому заданию директора департамента народного просвещения Мартынова (Пушкин в письме Мартынову 28 ноября 1815 года прямо об этом говорит: «Вашему превосходительству угодно было, чтобы я написал пьесу на приезд государя императора; исполняю ваше повеленье» и т. д.). Идеи стихотворения, написанного после вступления русских войск в Париж, однако не определяются всего лишь стремлением

* Это стихотворение было напечатано без ведома автора его дядей в 1817 году, под заглавием «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 г.».

выполнить «заказ» в «нужном духе». Александр характеризуется в нем как царь, освободивший народы от «бремени оков» Наполеона, а сама война изображается здесь как «свободы ярый бой». Заблуждения такого рода были свойственны в то время не только Пушкину, но и многим из тех, кто затем, освободившись от либеральных иллюзий, стали известны как виднейшие деятели декабризма, главной целью своей жизни поставившие свержение императора. Но в те годы декабристы оказались ослепленными лицемерными фразами Александра и триумфом, которым он был встречен в Париже. Декабрист И. Д. Якушкин (впоследствии призывавший к убийству царя) говорил об Александре того времени: «Подвигаясь вперед с оружием в руках и призывая каждого к свободе, он был прекрасен в Германии; но был еще прекраснее, когда мы пришли в 14-м году в Париж». Другой декабрист, Николай Тургенев, под впечатлением пребывания Александра в Париже с гордостью писал в своем дневнике о том, что французы с восторгом произносят имя «сильнейшего государя в свете». Своё отношение к царю он тогда определил в следующих словах: «Имя России не должно быть разделяемо с именем Александра не потому, что он ее обладатель, но потому, что он — Александр, он повел с собой пруссаков против Наполеона, он заставил глупых австрийцев стрясти с себя гнусное иго, он показал Германии путь к чести и славе и вел их к цели не останавливаясь». Причины всех этих восторгов, так же как и временный характер их, декабрист Каховский определил в ясных и простых словах: «Некоторое время император Александр казался народам Европы их миротворцем и благодетелем; но действия открыли намерения, и очарование исчезло! Сняты золотые цепи, увитые лаврами, и тяжкие, ржавые железные давят человечество»²⁴.

Положительное отношение Пушкина к Александру в годы войны объясняется еще одним обстоятельством, а именно надеждой на то, что победа ознаменует собою новую эру всеобщего благоденствия. В стихотворении «Александр» дана картина будущего России такой, какой она рисовалась Пушкину. Он обращался к государю с призывом осуществить чаяния народа:

Склони на свой народ смиренья полный взгляд —
Все лица радостью, любовью блещат...

После изображения радости побед следует еще одно обращение к Александру:

...оставь же шлем стальной
И грозный меч войны, и щит — ограду нашу;
Излей пред Янусом священну мира чашу
И, брани сокрушив могущею рукой,
Вселенну осени желанной тишиной!..

Далее, в стихотворении перечисляется все то, на что надеялся тогда поэт: улучшение судьбы крестьянина («счастливый селянин»), развитие промышленности и торговли, облегченной снятием континентальной блокады («суда... рассекут свободный океан») и наступление эры общего довольства («времена спокойствия золотые...»).

Эти надежды опять-таки были характерны для всего передового поколения молодых людей — участников войны. Почти все дошедшие до нас заметки, письма, дневники и декабристов и людей околodeкабристского круга говорят об этих же напряженных ожиданиях решительных перемен во внутренней жизни — ликвидации крепостного права, введения конституции. «Все в это время говорили чрезвычайно свободно... о необходимости резких внутренних преобразований... Несмотря на тяжкие потери — естественную скорбь многих, общее настроение было, однако же, веселое; все ликовало, славилос освобождение народов, совершенное Россиею, все ожидало наступления новой эры, все было преисполнено самых радужных надежд в будущем; никто не предвидел крутого поворота во внешней и внутренней политике; ничто подобное не считалось тогда возможным!» — вспоминал декабрист Завалишин. С советами и проектами «улучшить» положение России обращались к царю сановники, генералы, поэты. Слово «улучшить» трактовалось по-разному, но для всех, кроме крепостников и придворных льстецов, было ясно, что народ ждет перемены в своем положении. По свидетельству П. А. Вяземского, Батюшков написал в 1814 году «прекрасное четверостишие, в котором, обращаясь к императору Александру, говорил, что после окончания славной войны, освободившей Европу, призван он провидением довершить славу свою и обессмертить свое царствование освобождением русского народа». Менее

прямолинейно выражались тогда другие поэты, в том числе и Пушкин, призывавший царя склонить «на свой народ смиренья полный взгляд» и обеспечить процветание родины²⁵.

Но вскоре жизнь показала всю иллюзорность этих надежд. Вместо каких-либо «улучшений» наступила реакция. Идеализированный облик царя, ранее окруженный нимбом военных побед, потускнел. Пушкин увидел в царе деспота, причем деспота глупого и недалекновидного. Характерно, что Пушкин не включил стихотворения «Александру» в собрание своих сочинений, как и два других стихотворения в таком же духе — «Наполеон на Эльбе» (1815), отклик на события Ста дней, и «Принцу Оранскому» (1816). Поэт был недоволен всеми этими «заказными» стихами. В вариантах своего послания к «Шишкову» (1816), он, подразумевая их, писал:

...каюсь я — пустынный согрешил.
Простите мне мой страшный грех, поэты,
Я написал придворные куплеты...

Правда, и в Лицее Пушкин писал иронические и даже издевательские стихи об Александре. Эпиграмма «Двум Александрам Павловичам», вошедшая в рукописное «Собрание лицейских стихотворений», не без оснований приписывается Пушкину. Здесь и убийственное указание на то, что Романов «хромает головой», и напоминание об «Австерлице», сражении, которое было провалено по вине Александра. Двусмысленной и, конечно, неуважительной была пушкинская надпись «На Баболовский дворец» о любовных шашнях «российского полубога». Показателен и эпизод, случившийся с Пушкиным в Павловске 27 июля 1814 года на торжестве в честь возвращения победителей. В. Гаевский пишет, что «Пушкина особенно занимали устроенные между дворцом и павильоном триумфальные ворота, на которых, как будто в насмешку над их малым размером, были написаны два стиха:

Тебя, текуща ныне с бою,
Врата победы не вместят!»

Стихи эти взяты из «Песни Александру Великому, победителю Наполеона и восстановителю царств», изданной отдельно в 1814 году, а впоследствии помещенной в «Собрании стихотворений Анны Буниной». Пуш-

кин по этому поводу набросал пером рисунок, изображающий замешательство, происходившее будто бы у «победных врат»: лица, составлявшие шествие, видят, приближаясь к воротам, что они действительно «не вместят» государя, который притом еще пополнил в Париже, и некоторые из свиты бросаются рубить их. Остроумный рисунок, представлявший несколько портретов, скоро распространился и был подарен Пушкиным Карамзиной. Автора невинной шутки долго искали, но, разумеется, не нашли²⁶.

Однако все это еще не более как юношеское фрондерство. Настоящий же перелом в отношении Пушкина к Александру I, политическое обличение царя связаны с важнейшей фазой общественной борьбы; изменение его отношений к царю отразило те изменения в общественно-политической жизни страны, которые произошли после окончания войны.

Сатирическое стихотворение Пушкина «Сказки (Noël)» (1818) имело такой огромный успех, распространилось в таком колоссальном количестве копий именно потому, что явилось ярким обобщением настроений лучшей части общества, резко осуждавшей не только самодержца. «Кочующий деспот», сшивший себе «пруссский и австрийский мундир», действительно был «делом не измучен». Праздное бездействие Александра I, по видимому, настолько возмущало Пушкина, что и в 1830 году он сказал о нем «враг труда». Если в 1812 году царь объявлял себя в манифестах пламенным патриотом, который и часа не может жить без России, то после войны его циническое равнодушие к своей стране, к ее нуждам, к чаяниям народа и вообще ко всему русскому проявилось в полной мере. «До слуха всех беспрестанно доходили изречения императора Александра, в которых выражалось явное презрение к русским. Так, например, при смотре при Вертю, во Франции, на похвалы Веллингтона устройству русских войск император Александр во всеуслышание отвечал, что в этом случае он обязан иностранцам, которые у него служат... По возвращении императора в 15-м году он просил у министров на месяц отдыха; потом передал почти все управление государством графу Аракчееву. Душа его была в Европе». Эти слова декабриста Якушкина показывают, как возмущена была вся передовая Россия. Из уст в уста переда-

вались слухи о равнодушии Александра к неостывшей еще от сражений земле, о его пренебрежении к памяти двенадцатого года. «Император не посетил ни одного классического места войны 1812 года — Бородина, Тарутина, Малого Ярославца и других, хотя из Вены ездил на ваграмские и аспернские поля, а из Брюсселя в Ватерлоо. Достоинно примечания, что государь не любит вспоминать об Отечественной войне и говорить о ней, хотя она составляет прекраснейшую страницу в громком царствовании его», — говорит современник²⁷.

Оскорбление царем национального достоинства России усматривалось и в том, что, заключив в 1815 году «Священный союз» с европейской реакцией, он тем самым ронял в глазах всего мира мнение о стране, только что прославленной, как освободительнице народов. «Где же, кого спасли мы, кому принесли пользу? за что кровь наша упитала поля Европы? — спрашивал декабрист П. Каховский и отвечал: — Может быть, мы принесли пользу самовластию, но не благу народному. Нацию ненавидеть невозможно, и народы Европы не русских не любят, но их правительство, которое вмешивается во все их дела и для пользы царей утесняет народы». Этого вероломства не могли простить Александру не только современники; много позже смерти царя Герцен с ненавистью к самому его имени писал: «Он поставил Россию под одно знамя с Австрией, как будто между этой прогнившей и умирающей империей и юным государством, только что появившемся во всем своем великолепии, было что-нибудь общее, как будто самый деятельный представитель славянского мира мог иметь те же интересы, что и самый яростный притеснитель славян»²⁸.

Слова, которые Пушкин иронически вложил в уста Александра,

И людям я права людей,
По царской милости моей,
Отдам из доброй воли, —

оказались «сказками». Но «сказкой», мифом оказался и облик русского императора как военного вождя. В начале 20-х годов, по-видимому после Веронского конгресса, Пушкин разоблачил в едкой эпиграмме легенду об Александре как герое Отечественной войны:

Под Австерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал. *

Итак, надежды, связанные с окончанием войны, развеялись, народ оказался обманутым. Однако ее революционизирующее влияние на умы продолжалось. Ненависть к врагу, который стремился поработить отечество, переплавилась теперь в ненависть к тому строю, который мешал осуществлению великих идей свободы на русской земле, освобожденной от иноземных захватчиков. В послевоенные годы крестьянские антикрепостнические волнения значительно усилились. Народный протест оказывал свое воздействие и на ту часть русского дворянства, из среды которой выдвигались будущие декабристы. В записке А. А. Бестужева «Об историческом ходе свободомыслия в России» связь войны 1812 года с ростом освободительного движения раскрыта с редкостной для своего времени полнотой:

«Еще война длилась, когда ратники, возвратясь в дома, первые разнесли ропот в классе народа. «Мы проливали кровь, — говорили они, — а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас опять тиранят господа»... Сначала, покуда говорили о том беспрепятственно, это расходилось на ветер, ибо ум, как порох, опасен только сжатый... Но с 1817 года все переменилось. Люди, видевшие худое, или желавшие лучшего, от множества шпионов принуждены стали разговаривать скрытно, и вот начало тайных обществ. Притеснение начальством заслуженных офицеров разгорячило умы. Тогда-то стали говорить военные: «Для того ли мы освободили Европу, чтобы наложить ее цепи на себя? Для того ли дали конституцию Франции, чтобы не сметь говорить о ней, и купили кровью первенство между народами, чтобы нас унижали дома?»³⁰

Патриотизм рождал сопротивление силам реакции. Лучшие люди искали пути освобождения родины от

* Интересно отметить, что и в народном творчестве высмеивалась трусость императора. В одной из песен, собранных П. В. Киревским, царю, «персонушка» которого при вести о замыслах Наполеона «переменилася», противопоставлен мужественный Кутузов, утешающий царя:

Не пужайся ты, наш батюшка, православный царь!²⁹

цепей деспотизма. Участники Отечественной войны—офицеры составили ядро тайных декабристских организаций. Декабрист Сергей Волконский говорит о своих переживаниях после возвращения из походов: «...кампании 12-го года и последующих 13 и 14 годов подняли наш народный дух... Более нежели когда, я понял тогда, что преданность к отечеству должна меня вывести из душевного и безвестного быта ревнителя шагистики и угоднического царедворничества». «С чувством своего достоинства и возвышенной любви к отечеству большая часть офицеров гвардии и генерального штаба возвратилась в 1815 году в Петербург», — свидетельствует другой декабрист — М. А. Фонвизин, замечая «повсюду царствующий произвол, — все это возмущало и приводило в негодование образованных русских и их патриотическое чувство». А декабрист А. Беляев с гордостью писал: «Первые члены тайного общества были большею частью военные, прошедшие победоносно всю Европу до Парижа». Понятно, почему первое тайное общество называлось «Обществом истинных и верных сынов отечества»³¹.

То же чувство патриотизма питало и все творчество Пушкина, его политическую поэзию. Когда он, обращаясь к участнику Бородинского сражения Чаадаеву, восклицал:

Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы, —

то слово «отчизна» наполнялось особым содержанием; это была земля, только что отвоеванная от иноземных поработителей и вызывающая об освобождении от ига деспотизма («отчизны внемлем призыванья»). Так поэзия Пушкина сливалась с декабристской идеологией не только по общей устремленности, но и по своим истокам. Она отразила и патриотическую гордость одержанными победами, и крушение либеральных иллюзий, и становление революционного сознания, и противоречия этого сознания. Она отразила также типично декабристское понимание связи Отечественной войны с борьбой за политическую свободу. В этом смысле следует понимать слова Пушкина о Наполеоне в 1821 году:

Хвала! Он русскому народу
Высокий жребий указал.

Иначе говоря, война с Наполеоном, помимо желания завоевателя, указала народу «высокий жребий», то есть пробудила народ к борьбе за «вечную свободу». Ту же мысль о великой роли Отечественной войны для России проводил Александр Бестужев в «Полярной звезде», когда в иносказательной форме писал: «Огнистая лава вырвалась, разлилась, подвинула океан — и застыла. Пепел лежит на ее челе, но в этом пепле таится растительная жизнь, и когда-нибудь разовьются на ней драгоценные виноградники»³². Замечательно, как глубоко понимал Пушкин связь событий 1812 года с революционным движением во всех странах. Об этом свидетельствует неоконченное стихотворение «Недвижный страж дремал...» (1824). За падением «великого кумира» — Наполеона вскоре последовало революционное брожение в Германии, революционные восстания в Италии и Испании.

Надеждой новою Германия кипела,
Шаталась Австрия, Неаполь восставал,
За Пиренеями давно ль судьбой народа
Уж правила свобода
И самовластие лишь Север укрывал?

Александр здесь изображен как деспот, несущий миру «тихую неволю», как тиран, достойный уничтожения:

Вот Кесарь — где же Брут?..

Отсутствие Брута вызывало у Пушкина глубочайшее сожаление. Еще в 1821 году, в стихотворении «Кинжал», которое стало одним из сильнейших произведений декабристской пропаганды, Пушкин прославлял убийство Кесаря вольнолюбивым Брутом. Прямая связь этих двух стихотворений, «Кинжала» и «Недвижный страж дремал...», очевидна. Пушкин участвовал словом поэта в деле декабристов, в деле, начало которого он с исключительной проницательностью связал в десятой главе «Евгения Онегина» с «грозой двенадцатого года».

4

Время не только не ослабило, но усилило интерес Пушкина к Отечественной войне, ее людям, ее истории. Его понимание великого значения этой войны с годами углублялось.

Жизнь сталкивала его с многими участниками сражений, и поэт проявлял к ним неизменный интерес. В лицейские годы он тесно общался с офицерами лейб-гвардейского гусарского полка, который вернулся в Царское Село из походов 19 сентября 1814 года. Среди офицеров, с которыми Пушкин был близок, находились и бывшие ополченцы (как, например, Каверин, начавший свой военный путь в смоленском ополчении), и такие великолепно осведомленные о всем ходе и всех перипетиях войны люди, как Н. Н. Раевский (сын прославленного генерала Раевского), и В. Л. Давыдов, один из будущих активнейших декабристов Юга, и П. Я. Чаадаев, участник боев при Бородине, Тарутине, Малоярославце. После Лицея, в Петербурге, а затем в южной ссылке, Пушкин продолжал старые и завязывал новые дружеские отношения с участниками войны. На Юге Пушкин тесно сблизился с семьей героя войны генерала Раевского.

Там же на юге он в 1821 году узнал о смерти Наполеона. Это известие произвело на него сильное впечатление. Знакомый Пушкина П. И. Долгоруков 27 мая 1821 года записал в своем дневнике: «За столом у наместника Пушкин, составляя, так сказать, душу нашего собрания... начал рассуждать о наполеоновском походе, о тогдашних политических переворотах в Европе»³³.

Воспоминания об Отечественной войне возникали у Пушкина с новой силой во время путешествия в Арзрум, когда он встретился с многими сосланными декабристами, участниками Отечественной войны. Пушкин жил тогда в одной палатке с Н. Н. Раевским-младшим. В этой обстановке, конечно, возникали разговоры о двенадцатом годе. Вообще же к воспоминаниям о двенадцатом годе Пушкин возвращался в самой различной обстановке. Бывший адъютант генерала А. П. Ермолова П. Х. Граббе пишет о встрече с Пушкиным в январе 1834 года у Н. Н. Раевского: «Мы обедали и провели несколько часов втроем... 12-й год был главным предметом разговора». Во второй половине 20-х годов Пушкин подружился с дочерью Кутузова Е. М. Хитрово. Сохранившиеся письма дают полное основание заключить, что политические темы занимали немалое место также в их личных беседах. Характеризуя Хитрово, П. П. Вяземский отметил в качестве лучших ее черт «доб-

местные кутузовские традиции» и «горячую любовь ко всему, что составляет славу русского имени»³⁴.

Воспоминания о славном времени возникали у Пушкина и в дни, когда он бывал в знаменитой галерее двенадцатого года Зимнего дворца, где собраны портреты героев и участников Отечественной войны работы Доу. Лирически проникновенное описание Пушкиным этой галереи в стихотворении «Полководец» (1835) является вместе с тем и своеобразной политической декларацией. Историческая значительность этой галереи затмевает в глазах Пушкина все великолепие и роскошь царского дворца:

У русского царя в чертогах есть палата,
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Свою кистию свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстрокий.

В рукописи третья строка первоначально звучала острее: «Не в ней *алмазный скипетр* хранится за стеклом».

И далее:

Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жей,
Ни плясок, ни охот; а всё плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года

Память двенадцатого года влекла поэта в эту дворцовую палату:

Нередко медленно меж ими я брожу,
И на знакомые их образы гляжу,
И, мнится, слышу их воинственные клики

Но героика отошла в прошлое:

Из них уж многих нет; другие, коих лики
Еще так молоды на ярком полотне,
Уже состарелись и никнут в тишине
Главою лавровой...

Не случайно тема 1812 года привлекает особенное внимание Пушкина в 30-е годы, в годы самой глухой,

самой мрачной николаевской реакции, когда, казалось, все живое было задушено и когда чуть ли не всякое напоминание о прошлом вне связи с прославлением самодержавия казалось крамольным.

В этот период защита «священной памяти двенадцатого года» остается одной из главнейших тем пушкинского творчества. Эта тема красной нитью проходит у Пушкина и в поэзии, и в прозе. Она направлена своим острием против лагеря мракобесов, которые стремились принизить значение Отечественной войны, вытравить из общественного сознания ее всенародный национально-освободительный характер, ее славные традиции.

Начиная со второй половины 20-х годов и далее в тридцатые годы, в реакционной прессе и литературе утверждалось, что победу обеспечили Александр I, бог и морозы. Последняя причина, правда, особенно подчеркивалась иностранной прессой; обстоятельно опроверг эту легенду Денис Давыдов в статье «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?»³⁵

У Пушкина в десятой главе «Евгения Онегина» о двенадцатом годе, в частности, говорится:

Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?

Остальные десять строк этой строфы нам неизвестны, то есть как раз те строки, где, вероятно, давались ответы на вопросы о причинах победы. Но можно не сомневаться, что сами эти вопросы были поставлены Пушкиным с полемической целью. Выше мы показали, что именно «остервенение народа» он считал причиной победы. Упоминая о «морозах», Пушкин имел в виду, конечно, распространение этой клеветнической легенды не только за границей, но и в России. Ей верили и некоторые из людей, хорошо знакомых Пушкину. Так, например, в дневнике М. П. Погодина 1821 года (то есть в период, когда мировоззрение будущего реакционера только еще формировалось и он считался либералом) о двенадцатом годе сказано: «Не искусство действовало, а сила и морозы»³⁶.

Факты недавнего прошлого использовались верно-подданническими литераторами для доказательства, что

Россия и русский народ обязаны своим «благоденствием» только самодержавию. В монархическом духе выдержано и такое эпическое произведение как, «Александроида» бездарного поэта Свечина и мемуары вроде «Походных записок русского офицера» И. Лажечникова. Эта же тенденция проходит и в романе Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году». Реакционеры с новой силой начали повторять идею царских манифестов 1812 года о том, что героем войны и оплотом государства является дворянство. В романе, близком загоскинскому по названию, «Графиня Рославлева, или Супруга-героиня...» (1832) утверждалось: «Привязанность и врожденное повиновение властям — отличительные черты в характере русского народа. Дворянин любит царя и отечество, крестьянин — своего господина»³⁷.

Книги реакционных писателей если и содержали с фактической стороны верные описания военных событий, то главная тенденция в оценке причин победы все же оставалась неизменной. Так, например, в «Записках о 1812 годе» Сергея Глинки (1836) русская армия именуется «ратью суда божия», о пожаре Москвы говорится: «...при Наполеоне Москва отдана была на произвол провидения. В ней не было ни начальства, ни подчиненных. Но над нею и в ней, ходил суд божий. Тут нет ни русских, ни французов: тут огонь небесный»³⁸.

В связи с приближавшимся 25-летним юбилеем победы над французами реакционно-монархическое освещение событий Отечественной войны усилилось. Тон задавала, конечно, «Северная пчела», отражавшая правительственную политику. Как своеобразная идеологическая программа юбилея звучала следующая декларация, напечатанная в газете:

«Да, в книге судеб 1812 год, как исполин, будет выдвигаться перед всеми происшествиями. Причина ясная: здесь народ явил свою привязанность к государю.. слова «государь» и «отечество» были словами, сильнейшими всех слов в мире. Нужно ли повторять, что царствование Александра благословенного есть новое звено в цепи сих событий, что он решил судьбу своего народа и целой Европы!» В статье о «Походных записках» Лажечникова болгаринская газета призывала: «Пусть появляются беспрестанно сказания о великой битве, решенной русским монархом». Поддержку и полное одобрение

газеты получили и другие книги с монархической трактовкой причин победы. Записки Сергея Глинки «Северная пчела» похвалила за то, что в его изложении Россия стала «на гряде первой державы в мире доблестью своих царей и любовью к ним народа». О книге официального историка Михайловского-Данилевского было сказано: «Поздравляем с нею россиян, дорожащих славою своих царей и своего отечества» и т. д. К юбилею Отечественной войны газета состряпала и псевдонародные фальшивки — воспоминания. Таково, например, «казацкое письмо», написанное в псевдонародном стиле якобы донским казаком к своим соотечественникам в связи с сооружением в Казанском соборе алтаря из трофейного серебра, пожертвованного казаками в 1812—1814 годах. Сие событие вызвало у «автора» письма, казака Гаврилы Еремеевича, такие чувства: «Да здравствует наш царь государь православный много лет на своем на великом государстве! А мы, донские казаки, постараемся и напредь заслуживать его милости великие и прославиться, подражая отцам-праотцам нашим, в благочестии»³⁹.

Ту же линию, что и «Северная пчела», проводил «Русский инвалид», без умолку трещавший о величии «самим богом вызванного» Александра I. Здесь рассказывались явно придуманные эпизоды из времен войны, рисующие личную храбрость царя, подвиги дворян. О народной войне и роли самого народа газета не только не писала, но извращала факты. Например, об обороне различных поселений рассказывалось так, что вся заслуга приписывалась городничему и дворянам. Эта тактика прославления царя и игнорирования народа проводилась всей реакционной прессой.

Позиция «Сына отечества» в 30-е годы не нуждается в пояснениях: его «душой» был тот же Булгарин в сотрудничестве с Гречем. Недалеко ушла от этого журнала и «Библиотека для чтения», утверждавшая, что в войне 1812 года «Александр являлся истинно великим во всех отношениях, — великим русским, как неутомимый, усердный, бесстрашный последователь русского национального чувства, великим политиком... великим полководцем... великим умом». «История... признает Александра первым гением того самого века, в котором жил Наполеон»⁴⁰.

В этой обстановке борьба с реакционно-монархическим освещением Отечественной войны становится важной политической задачей, и эту борьбу возглавил Пушкин.

Вести прямую полемику с теми, кто утверждал решающую роль Александра в войне, было невозможно. Все, что Пушкин написал о нем в эти годы, осталось, конечно, достоянием архива поэта. В 1829 году он сочинил надпись «К бюсту завоевателя» — по поводу бюста Александра I работы Торвальдсена. В ней поэт отмечает лицемерие царя:

Недаром лик сей двуязычен.
Таков и был сей властелин:
К противочувствиям привычен,
В лице и в жизни арлекин.

Основная мысль этой надписи («лик сей двуязычен») повторена в сохранившейся заметке Пушкина: «Торвальдсен, делая бюст известного человека, удивился странному разделению лица... верх нахмуренный, грозный, низ же выражающий всегдашнюю улыбку... Questa è una brutta figura»*.

Правда, иного рода характеристика Александра встречается в стихотворениях Пушкина, посвященных лицейским годовщинам (строки, говорящие о том восторге, с которым было встречено возвращение из Парижа «Агамемнона» и т. д.). Но это не что иное, как воспоминание о тех чувствах, которые были присущи поэту в Лицее. Истинное отношение Пушкина к царю было выражено, кроме упомянутых эпиграмм, также в десятой главе «Евгения Онегина» (которую он писал для себя и для очень узкого круга друзей): «властитель слабый и лукавый... нечаянно пригретый славой». О публикации же в печати такого рода характеристики, конечно, нечего было и думать; оставался только путь скрытой полемики, а также разъяснения действительных причин победы 1812 года. Этим задачам и отвечали произведения Пушкина, связанные с темой Отечественной войны, написанные в 30-х годах.

Стихотворения «Перед гробницею святой» (1831), «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина»

* Это — отвратительное лицо (итал.).

(1831) чаще всего рассматривались как отклик на польско-русские отношения 1830—1831 годов. Но это лишь один из планов темы. Другой план (в связи с содержанием данной главы нас интересует только он) — это поэтическое утверждение Отечественной войны 1812 года как войны народной. Уже в первом из названных стихотворений — «Перед гробницею святой» — обнаруживается явная направленность против враждебной Пушкину трактовки Отечественной войны. Всем содержанием стихотворения подчеркивалось, что народным вождем являлся не «Александр благословенный», как кричала вся пресса, а Кутузов:

...сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Масгитый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов...

Военный вождь, вставший на защиту родины, вождь «северных дружин» — вот главное, что привлекает в Кутузове Пушкина. И дальше разворачивается характеристика Кутузова как спасителя России и национального героя, избранника народа:

В твоём гробу восторг живет!
Он русский глас нам издаёт;
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас...

В другом стихотворении, «Клеветникам России», поэт воспеваёт Россию, пролившую кровь за вольность народов:

...в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир...

В «Бородинской годовщине» Пушкин, снова возвращаясь к теме Отечественной войны, вспоминает, как Россия противостояла мощным полчищам врагов:

Великий день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бедой России угрожая;

Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!..
Но стали ж мы пятою твердой
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор...

Это описание «великого дня Бородина» созвучно
позднейшему стихотворению Лермонтова «Бородино»
с его концовкой, возвращающей нас к стихотворению
Пушкина:

Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина.

Четыре года спустя Пушкин написал стихотворение
«Полководец», о котором мы уже говорили выше, по-
священное Барклаю де Толли, одному из соратников
великого Кутузова. Как известно, поэт дает очень высо-
кую, даже идеализированную, оценку заслугам Барклая
в Отечественной войне.

При изучении замысла этого стихотворения Пушкина
следует учесть, что он не ставил перед собой задачи
оценить военные заслуги Барклая. В письме Гречу по
поводу «Полководца» Пушкин писал о Барклае де
Толли: «Не знаю, можно ли вполне оправдать его в от-
ношении военного искусства; но его характер осянется
вечно достоин удивления и поклонения». Пушкина как
поэта привлекали в образе Барклая «стоические» черты,
мужество, с которым он ушел с поста главнокомандую-
щего и продолжал честно и героически сражаться под
начальством Кутузова. В этом смысле и следует пони-
мать слова Пушкина о Барклае как «высокопоэтическом
лице». Но в стихотворении «Полководец» несомненно
был и сокровенный полемический смысл.

Напечатанное анонимно стихотворение это явилось
звеном в борьбе против официозной трактовки победо-
носной войны как дела рук Александра I. Пушкин вос-
певал действительных участников и героев войны, —
«начальников народных наших сил» (ни разу и словом
не обмолвившись об Александре). Эту цель ставил он
перед собой и в стихотворении о Кутузове как спасителе
России, и в заметке «О некрологии генерала от кавале-
рии Н. Н. Раевского», и в «Полководце». Выдвигая
фигуру Барклая как одного из полководцев «народных
сил», Пушкин вновь и вновь выражал идею, согласно

которой его оценка этого деятеля, оценка поэта, а не «слепого века», является истинной и найдет оправдание в потомстве:

О люди! Жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и в умиленье!

Кто же «ругался» над Барклаем и отказывал ему в каких-либо заслугах? Те же казенно-бюрократические, реакционные круги, которые сквозь зубы упоминали о заслугах Кутузова и для которых вся слава и могущество России, все величие победы в Отечественной войне воплощалось только в одном-единственном имени, в имени императора Александра I. Сооружение необыкновенной по своей монументальности Александровской колонны было предпринято, по словам Бенкендорфа, для того, чтобы ознаменовать, «сколь колоссальны были кампании 1812, 1813 и 1814 годов, в которых Россия и Европа стяжали столь блестящий успех благодаря лишь непоколебимой твердости покойного Александра». Отсюда и пышность церемонии открытия колонны 30 августа 1834 года в присутствии всей царской фамилии, дипломатического корпуса и около ста тысяч войск. Пушкин, как известно из его дневника, специально уехал из Петербурга, чтобы «не присутствовать при церемонии» (как камер-юнкер он обязан был быть на торжестве)⁴¹.

Откликом на стихотворение Пушкина о Барклае была критическая брошюра Л. И. Голенищева-Кутузова (сына одного из видных деятелей екатерининской эпохи), упрекавшего Пушкина в том, что он, восхваляя Барклая, якобы умаляет роль Кутузова. Пушкин ответил на брошюру «Объяснением», где, признавая решающую и первостепенную роль Кутузова, — защищает свое право воздать должное и Барклаю. «Слава Кутузова, — писал Пушкин, — неразрывно соединена со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титло: спаситель России; его памятник: скала святой Елены!» Далее в «Объяснении» сказано о превосходстве военного гения Кутузова и о том, что «Кутузов один облечен был в народную доверенность, которую так чудно он оправдал!» Но здесь же Пушкин заметил: «Неужели

должны мы быть неблагодарны к заслугам Барклая де Толли, потому что Кутузов велик?»⁴²

В своем «Объяснении» Пушкин опять ни словом не обмолвился о роли Александра I в войне. Тактика Пушкина в борьбе за правильную оценку событий 1812 года обнаружилась на этот раз с полной ясностью.

Как справедливо отметил Иракий Андроников, пушкинское умолчание об Александре и вызвало статью Булгарина «Правда о 1812 годе, служащая к исправлению исторической ошибки, вкравшейся в мнение современников»⁴³.

Статья эта носит характер политического доноса. Булгарин утверждал, что вообще многие исторические события оказывались искаженными. Причина этого искажения — дух партий. Воспользовавшись пушкинской заметкой о «Полководце» как поводом, Булгарин с верно-подданническим возмущением указал на то, что в оценке 1812 года Пушкин принадлежал к «демократической партии».

«Кто спас Россию в 1812 году? — вопрошал Булгарин. — Прозаики и поэты запутали дело своими возгласами, восторгами, употреблением эпитетов и даже искажением самих событий. Тихий голос некоторых правдивых историков заглушен воплем памфлетистов и песнями поэтов». Булгарина, собственно, не интересует вопрос об оценке Кутузова и Барклая. С этой точки зрения «Объяснение» Пушкина по поводу «Полководца» его устраивает. Но в оценку Пушкина он вносит свое «исправление»: «...великие мужи могут совершать великие подвиги только при великих государях». И в противовес Пушкину Булгарин заявляет:

«Спрашивается: кто же спаситель России? Ответ находится на медали 1812 года: бог! Но кто исполнял волю Божию на земле? Тот, который одобрил великую мысль Барклая, который избрал вождем Кутузова, который произнес незабвенные в истории слова: «Не вложу меча во влагалище, пока хотя единый враг останется на земле русской» и который приписал весь успех благодати Божией — император Александр! Слава господе на небеси, а на земле царю русскому слава!»⁴⁴

Это один план булгаринской статьи. Другой ее план носил более частный характер. Булгарин не мог, конечно, забыть, что Пушкин несколько лет назад публично

разоблачил его как переметчика, поступившего в 1812 году на службу во французскую армию. В одной из своих статей («Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов»), напечатанной в «Телескопе» (журнале, кстати говоря, высоко ценившем значение Отечественной войны), Пушкин, имея в виду Булгарина, с негодованием писал о переметчиках, «для коих: ubi bene, ibi patria *», для коих все равно: бегать ли им под орлом французским, или русским языком позорить все русское, — были бы только сыты». В другой статье («Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем», 1831) Пушкин приводит план нравственно-сатирического романа «Настоящий Выжигин» — пародию на болгаринский роман о Выжигине. В этом плане имеются, в частности, три главы: «Ubi bene, ibi patria», «Московский пожар. Выжигин грабит Москву» и «Выжигин перебегает». Тем самым Пушкин обличал уже не только личное поведение Булгарина, но и высмеивал те части романа Булгарина «Петр Иванович Выжигин», которые посвящены войне 1812 года. Во второй части этого романа Булгарина была дана оголтелая реакционно-монархическая оценка сил, участвовавших в войне. Рассуждения о двенадцатом годе пересыпаны здесь такими утверждениями: «простой народ пойдет на явную смерть по первому слову своего государя», «царь, отец России, заботится о нас более, чем мы сами», «добрая, благородная душа императора страдает за всех его подданных... за всех несчастных жертв войны», вольможи «первые подали пример усердия к престолу и любви к отечеству» и т. д.⁴⁵

Таким образом, статья Булгарина по поводу пушкинского «Полководца» явилась одним из актов мести Пушкину.

Что же касается утверждения Булгарина, что Пушкин принадлежал к «демократической партии», то, действительно, поэт был в этом вопросе не только выразителем, но и организатором передового общественного мнения; об этом свидетельствует линия, которая проводилась при участии Пушкина в «Литературной газете», а также тактика, которую он лично проводил в «Современнике».

Материалы о 1812 годе, напечатанные в «Литератур-

* Где хорошо, там и отечество (лат.).

ной газете», близки Пушкину по своей идейной направленности. Память великого полководца газета отметила стихотворением «Гробница Кутузова» (автор — Трилунный). Тема стихотворения — воспоминание о Бородине, о пожаре Москвы. Кончается оно сравнением могилы Кутузова, народного вождя, с одинокой могилой Наполеона:

Кутузов счастливее был!
Он не забвен надгробной тризной,
И храм святой вождя покрыл
Благословенною отчиной

В другом номере напечатано стихотворение о неприступности России для иноземного врага, однажды уже испытавшего богатырскую силу народа (автор тот же). Особый оттенок носили напечатанные в «Литературной газете» стихи Дениса Давыдова. Поэт-партизан, отстраненный от дел николаевской военщиной, в элегических тонах вспоминал о героическом прошлом, так непохожем на серые будни современного быта. Его стихотворение «Бородинское поле» начинается строками:

Умолкшие холмы, дол, некогда кровавый,
О, возвратите мне ваш день, день вечной славы,
Пыль, дым, громады войск, и сечу, и борьбу!
Мой меч из рук моих упал. Мою судьбу
Попрали наконец счастливы горделивы...

Среди героев войны он называет только Багратиона и Н. Н. Раевского. Кончается стихотворение трагическим обращением ко всем павшим друзьям:

Но где вы? слушаю.. Нет отзыва! С полей
Умчался брани дым, утихнул стук мечей,
И я, питомец их, склоняюсь главой у плуга,
Завидую костям соратника иль друга.

Этим же настроением проникнуто послание Давыдова поэту-моряку Зайцевскому. Героике двенадцатого года противопоставлено губительное влияние «судьбы»:

...забвенья судьбу мою губит,
И лира немеет, и сабля не рубит⁴⁶.

В «Литературной газете» напечатан ряд заметок о книгах, посвященных Отечественной войне (в частности, заметка Пушкина «О некрологии генерала-от-кавалерии Н. Н. Раевского»). Оценивая качество той или

иной книги, рецензент прежде всего интересовался тем, насколько правдиво изображены в ней события, показан ли героизм народа.

Но наибольший интерес представляет та последовательная линия в освещении двенадцатого года, которую Пушкин проводил в своем журнале, в «Современнике». Здесь тема 1812 года звучала как одна из главнейших и определявших лицо журнала.

Материалы, связанные с войной, Пушкин помещал в каждом номере «Современника». Все произведения об Отечественной войне были воодушевлены гордостью великим прошлым. Вместе с тем героика двенадцатого года противопоставлена в них серым будням николаевской действительности.

В первом же номере «Современника», по поводу вышедших тогда в свет «Походных заметок артиллериста», была напечатана своеобразная декларация: «Когда возвратились наши войска из славного путешествия в Париж, каждый офицер принес запас воспоминаний. Их рассказы все без исключения были занимательны; все наблюдаемо было свежими и любопытными чувствами новичка... Доныне, если бывший в Париже офицер, уже ветеран, уже во фраке, уже с проседью на голове, станет рассказывать о прошедших походах, то около него собирается любопытный кружок». Далее следует призыв к изучению и записи воспоминаний участников войны. «Но ни один из наших офицеров до сих пор не вздумал записать свои рассказы в той истине и простоте, в какой они изливаются изустно. То, что случилось с нами как с людьми частными, почитают они слишком неважным и очень ошибаются. Их простые рассказы иногда вносят такую черту в историю, какой нигде не дороешься. Возьмите, например, эту книгу: она не отличается блестящим слогом и замашками опытного писателя, но все в ней живо и везде слышен очевидец. Ее прочтут и те, которые читают только для развлечения, и те, которые из книг извлекают новое богатство для ума»⁴⁷.

Идеи, высказанные в этой статье, осуществлялись в практике самого журнала. Во втором номере «Современника» была напечатана с восторженным предисловием Пушкина I часть «Записок Н. А. Дуровой», «кавалериста-девицы», служившей в армии под именем корнета Александра. В ней безыскус-

ственно и просто рассказано о 1812 году. Противопоставляя в походном дневнике боевую жизнь своему прежнему «светскому» существованию, Дурова писала: «Какая жизнь, какая полная, радостная, деятельная жизнь!.. Теперь каждый день, каждый час я живу и чувствую, что живу: о, в тысячу, в тысячу раз превосходнее теперешний род жизни!.. Балы, танцы, волокитства, музыка!.. о боже, какие пошлости, какие скучные занятия!» В той части «Записок», которая помещена в «Современнике», продолжена пушкинская линия игнорирования Александра I. В «Записках Н. А. Дуровой», как бы в пику официозным публицистам, не царь, а Кутузов назван «первым человеком в государстве», «славнейшим из героев России»⁴⁸.

В третьем номере журнала напечатана статья Дениса Давыдова «О партизанской войне». В ней на примере 1812 года опровергалось мнение, что партизанская война сводится к «мелким» набегам на врага или «разграбительным действиям». В понимании Дениса Давыдова партизанская война — одна из форм массовой, всенародной борьбы с неприятелем. Кончалась статья афоризмом, который впоследствии столь часто цитировался: «Еще Россия не подымалась на весь исполинский рост свой, и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь подымется!»⁴⁹

Но каким контрастом по отношению к бодрому, уверенному тону этой статьи звучало напечатанное в той же книжке журнала стихотворение Давыдова «Челобитная!» Тема его — гнетущая проза современной жизни, гнетущее для бывшего партизана соседство

Благочинной саранчи,
И торчащей каланчи,
И пожарных труб, и крючей!

Для него тесен «дом богатый»:

Сотоварищ урагана,
Я люблю, казак-боец,
Дом без окон, без крылец,
Без дверей, без стен кирпичных,
Дом разгулов безграничных
И налетов удалых...⁵⁰

Романтике славного прошлого здесь противопоставлялась скука обыденности, пошлость николаевской действительности 30-х годов. Та же мысль звучала в пер-

вой фразе статьи Вяземского (во втором номере) о поэме Э. Кине «Наполеон»: «Наши времена не эпические»⁵¹.

Дальнейшее утверждение Вяземского о том, что жизнь Наполеона «есть эпопея», требует пояснений. В «Современнике» образ Наполеона освещался двойственно: как романтическая личность («Ночной смотр» Жуковского, беглые строки о Наполеоне в пушкинском «Путешествии в Арзрум», статьи Вяземского о сочинениях Наполеона и о поэме Кине) и вместе с тем как самоуверенный, наглый захватчик, переоценивший свои способности и возможности (особенно резко в этом духе писала Дурова). Но именно таким противоречивым и было восприятие Пушкиным Наполеона в 20—30-е годы. Если в юности Пушкин считал Наполеона тираном и поработителем и противопоставлял ему Александра I, как освободителя, то вскоре после окончания Лицея поэт пересмотрел свое отношение к ним обоим. Послевоенные годы обнаружили, что тираном, поработителем, «врагом человечества» был по всему своему облику также Александр I. Наполеон же, по тонкому определению Пушкина, — «мятежной вольности наследник и убийца» (то есть деятель, начавший свой путь службой в революционных войсках, а затем ставший душителем французской революции). Именно в этом плане противопоставляется Наполеон Александру в стихотворении «Недвижный страж дремал». Официозную трактовку образа Наполеона как единственного врага человечества, «исчадия греха, лютого сына геенны» (стандартные определения «Русского вестника») отвергала, начиная с 20-х годов, вся прогрессивная дворянская общественность, начавшая исторически осмыслять произошедшее. Декабрист П. Каховский говорил о времени, наступившем после победы над Наполеоном: «Народы Европы вместо обещанной свободы увидали себя утесненными, просвещение сжатым. Тюрьмы Пьемонта, Сардинии, Неаполя, вообще всей Италии, Германии наполнились окованными гражданами... Вот случаи, в которых образовались умы и познали, что с *царями народам делать договоров невозможно*». Среди царей — «врагов человечества» вообще — Наполеон не казался, следовательно, исключением. Такое же осмысление Наполеона характерно для зрелого Пушкина⁵².

Общая точка зрения Пушкина на события Отечественной войны нашла отражение в напечатанных в «Современнике» двух произведениях о 1812 году: «Полководец» и «Рославлев» и в «Объяснении» на критику «Полководца». При этом Пушкину приходилось преодолевать всяческие цензурные трудности. Известно, что «Современник» вообще не имел права касаться политических вопросов, имевших злободневный характер. Поэтому по поводу материалов о двенадцатом годе то и дело возникали столкновения с цензурой. Так, существенные изменения были сделаны в статьях Дениса Давыдова «Взятие Дрездена» и «О партизанской войне». Пришлось сделать изменения и в «Отрывке из неизданных записок дамы» — первой части пушкинского «Рославлева». Опасаясь цензурных осложнений, Пушкин напечатал здесь наименее острую часть своей своеобразной полемики с реакционно-националистическим романом Загоскина «Рославлев», причем анонимно, да еще с пометкой: «Перевод с французского». Но и при этом, например, в обличительном рассуждении Пушкину пришлось заменить слова «светская чернь» на «светскую мелочь».

В этом отрывке образ Полины вырисовывался как образ истинной, пламенной патриотки, замечательной русской женщины, которая горячо любит «наш добрый, простой народ» и ненавидит светских «обезьян просвещения». Гневным обличением звучало то место «отрывка», где показано отсутствие национальной гордости у светской черни, которая, насмехаясь над «русскими бородами», думала угодить этим приезжей иностранке (мадам де Сталь, которая, как известно, была врагом Наполеона и высоко ценила героизм и мужество русского народа). Полина испытывала мучительный стыд от поведения русского дворянства (прославленного Загоскиным как оплот победы государства). В тех частях «Рославлева», которые Пушкин при жизни не смог напечатать, образ Полины раскрывается еще ярче. Она решительно выступает против мнения подруги о том, что политика — не женское дело. В ответ на утверждение: «...женщины на войну не ходят и им дела нет до Бонапарта», она восклицает: «Разве кровь русская для нас чужда?.. Нет! Я знаю, какое влияние женщина может иметь на мнение общественное...» Всею душой стремясь

принять участие в борьбе с врагом, она готова пожертвовать собой, «явиться во французский лагерь, добраться до Наполеона и там убить его из своих рук»*.

Если пушкинский «Рославлев» был бы закончен, русская литература имела бы одно из самых замечательных произведений об Отечественной войне 1812 года, которую поэт назвал «величайшим событием новейшей истории».

Величайшим событием явился двенадцатый год и для развития всей русской культуры.

Двенадцатый год обозначил новый этап в развитии русской литературы, ее идейных и художественных особенностей.

Двенадцатый год стал крупнейшей вехой в борьбе за дальнейшее развитие национальной самобытности русской культуры и литературы. В этой острой, сложной, запутанной борьбе (которая к тому же велась в условиях феодально-крепостнического государства) со всей силой сказалась гениальность Пушкина не только как художника, но и как одного из крупнейших мыслителей своего времени.

К характеристике этой борьбы и роли Пушкина в ней мы и перейдем.

* Эта же мысль приходила в голову, как известно, герою-партизану Отечественной войны Фигнеру.